

В. Н. КОЧЕТКОВ

ДОМ У НИКОЛЬСКОЙ ГОРЫ

В. Н. КОЧЕТКОВ

ДОМ У НИКОЛЬСКОЙ ГОРЫ

Ульяновск
2013

УДК 8Р2
ББК 83.3(2Рос=Рус)
К 75

Кочетков В. Н.

К 75 ДОМ У НИКОЛЬСКОЙ ГОРЫ. – Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2013. – 96 с.

ISBN 978-5-94655-238-7

В книге «Дом у Никольской горы» увлекательно и с большой любовью рассказана история старинного русского поселения Промзино-Городище, ныне рабочего поселка Сурское Ульяновской области. Это увлекательное повествование проникнуто чувством гордости за почти 500-летнюю историю сторожевой заставы на рубеже России. В книге приводятся интересные факты и впервые публикуются исторические фотографии.

Книга воспитывает чувство гордости за свой край и уважение к его истории.

Кочетков В. Н. – член Союза писателей и Союза журналистов России, член Русского Географического общества, автор культурологического образовательного проекта «МИР». Его книга «На край Земли» стала победителем на Всероссийском конкурсе на лучшие книги о горных, экстремальных и приключенческих видах спорта в номинации «Художественно-публицистическая литература»; книга «Когда оживают легенды» – победитель ежегодной областной выставки-конкурса «Симбирская книга – 2009» в номинации «Лучшая книга, способствующая воспитанию подрастающего поколения»; книга «Урок географии» стала победителем в международном конкурсе «Вертикаль-2010» в номинации «Художественная литература для детей и юношества».

**Автор выражает глубокую благодарность
за помощь в издании книги
Рябухину Сергею Николаевичу,
Мисанцу Захару Федоровичу,
Беззубенковой Нине Петровне,
Родионовой Тамаре Петровне**

ISBN 978-5-94655-238-7

УДК 8Р2
ББК 83.3(2Рос=Рус)

© Кочетков В. Н., 2013

© Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2013

ОТ АВТОРА

Удивительно, как в детстве радуешься жизни. Искренне, без обмана. Это потому что в детстве всё легко и понятно. Красиво – некрасиво, белое – чёрное, зло – добро, люблю – не люблю. Причем в детстве очень легко отделить одно от другого. Это потом человек начинает перемешивать понятия, старается обмануть себя.

Половину детства я провёл в военных городках Калужской, Владимирской и Ивановской областей, но всё это время считал себя коренным жителем Сурского, посёлка, в котором родился. Помню, как на одном из уроков учитель рассказывал о родном крае, о реке Нерль, об истории городка Тейково, в котором мы тогда жили. Я сидел, заткнув уши, и шёпотом, еле слышно, но упрямо повторял, что мой родной край далеко – на реке Суре, а не здесь, в Ивановской области, несмотря на то, что карту близлежащих к тому городку лесов рисовал не с удовольствием даже, а с вдохновением. Мы переехали в Сурское насовсем, когда мне исполнилось тринадцать лет.

Недавно в музее увидел старинную школьную парту – с откидывающейся крышкой и чернильницей. Я вспомнил, что в первом и втором классе два раза в неделю у нас был урок чистописания – нас учили тщательно выписывать буквы. Тетрадь в линейку, перо со скрипом, парта с окидывающейся крышкой. Я как-то внезапно понял, что живу на земле, оказывается, уже довольно долго – вот и парты те уже стали музейными экспонатами, ушли в историю. И мне, оказывается, есть, что вспомнить, есть, что и с чем сравнить.

Кажется, что помню всё. Например, как мама водила меня в детский сад. Через пустырь, через парк с огромными соснами, а так как она торопилась на работу, мы сокращали путь, пролезая через какую-то дыру в заборе. По соснам радостно скакали белки. Я глядел на них, и мне было грустно: они на свободе, радуются жизни, а меня ведут в заточение на целый день. На маму не злился, но со слезами всё равно никак не мог справиться.

Наш детский сад размещался в одноэтажном выкрашенном грязно-жёлтой краской здании, с чумазыми старыми оконными рамами. Мне – пятилетнему довольно подвижному мальчишке это здание казалось местом заточения, а воспитательница – нестарая женщина с резким, недовольным голосом – надзирателем. Однажды

я даже сбежал из сада домой. Во время тихого часа притворился, что сплю, потихоньку оделся и выскользнул за дверь. После этого случая за мной следили особенно тщательно.

Помню, как в мае почти всё население военного городка выходило на пустырь ловить майских жуков. Запало как-то в память. В Ивановской области майских жуков называли «шаранками». Нигде я больше ни этого названия, ни вообще таких массовых «выходов на природу» не встречал. Папы и мамы моих одноклассников, вооружённые сачками, носились за жуками наравне со своими детьми. Кричали, смеялись. Пойманных жуков приносили домой и торжественно выпускали с балконов.

Помню учителя физкультуры школы военного городка. Все технические вещи – прыжки, метания, уважение к гимнастическим снарядам – от него. Не запомнил ни имени его, ни фамилии, но глаза, фигура и даже его голос засели в памяти, будто урок был вчера.

Помню, в шестом классе с другом Серёжкой лазили на старую, трухлявую лесную пожарную вышку. Мы карабкались вверх, ежесекундно рискуя свалиться, лезли, цепляясь штанами за шляпки ржавых гвоздей, стараясь не смотреть вниз, стараясь не уступать друг другу. На макушку выползли едва живые от усталости и страха. Долго сидели, стараясь унять дрожь и боясь пошевелиться. До сих пор помню страх – наверху от смотровой площадки оставалась лишь одна узкая доска, а высота была метров двадцать пять. Спустились чудом.

Серёжка погиб в Афганистане. Сгорел в бензовозе – он перевозил грузы из Кандагара в Кабул, в тот раз ехал в головной машине. Обстрел начался неожиданно, и от первого же выстрела его бензовоз загорелся. Говорят, спастись мог, если бы машину бросил и в кювет прыгнул. Сергей бы допрыгнул – прыгучесть у него была что надо. А он машину уводил, чтобы колонна не загорелась...

Помню брюки-«колокола» и мини-юбки, в которых мне, шестнадцатилетнему мальчишке, все девчонки казались красавицами. Помню, как в общежитии техникума в Бузулуке, в котором я учился до службы в армии, шестеро друзей из всех сил старались успокоить меня. Девочка, которую я любил, не ответила мне взаимностью, посмеялась над моим робким признанием. Я лежал посередине комнаты, бил кулаками о пол и рыдал. Горячие слёзы текли по щекам, дальнейшая жизнь казалась пустой и нелепой, а они вдруг разом замолчали, словно стояли над телом смертельно раненного человека.

Служил под Москвой. Сто человек – добрых и злых, умных и не очень, собранных с разных частей Советского Союза, жили вместе в одной казарме два года. Я до сих пор не могу свыкнуться с мыслью, что сейчас Витаутас Каминскас, Гриша Яцевич и Юра

Маляренко – жители не моей страны. Наши койки стояли рядом, мы ели, как говорится, из одного котла, а в воскресенье в красном уголке орали под гитару песни Макаревича. Их адреса остались в моей записной книжке, но, наверное, вряд ли когда-то мы ещё раз с ними соберёмся вместе.

Лишь тот кусочек земли, где довелось мне родиться, остался таким, каким был всегда – родным, близким и неизменным. Я люблю его, люблю облака над Никольской горой, люблю треск льда на Суре во время ледохода, люблю едва слышный шёпот просыпающегося посёлка. И книжка об этом крае, о том, что довелось мне здесь увидеть и услышать. Я не претендую на документальность – каждый из нас трактует мир по-своему, так, как видит и слышит, так, как пережил и перечувствовал. Я не пытаюсь охватить всё – всю историю и всех людей, живших и живущих в посёлке и крае, – для этого требуется написать несколько томов, нужен глубочайший анализ сохранившихся архивных документов. Все события я так или иначе рассматриваю через свою семью, через воспоминания своих родителей и родственников. И это естественно: их рассказы – как листы не искажённой политиками истории очень ценны, их взгляд на жизнь интересен. И, может быть, прочитав эту книжку, кто-то захочет открыть следующую, не написанную здесь страницу, захочет узнать о не упомянутом здесь человеке или жизненном эпизоде, докопаться до далёких своих корней. А пока я приветствую всех читателей – сурчан, промзинцев и гостей нашего края!

ВОДЫ ЛЕТЫ

Наш посёлок Сурское раскинулся у мелового белоголового холма – Никольской горы – на левом берегу реки Суры. Места красивые. С вершины горы вид до того красивый – дыхание перехватывает. Видно далеко. Птицы парят рядом, кажется, рукой достать, а чуть дальше глянешь – леса, овраги, река петли вяжет. И посёлок как на ладони – крыши на солнце блестят, дома друг к другу жмутся.

Наверное, эта красота и тянула сюда людей со стародавних времён. Вот только точную дату первой стоянки здесь человека не узнать – время безжалостно перемололо и доказательства, и возможные артефакты эпохи палеолита.

А вот следы неолитических стоянок и стоянок бронзового века есть. Это и курганные группы, и керамика: элементы необожжённой круглодонной глиняной посуды, характерной для IV – III тысячелетия до нашей эры. В I тысячелетии н.э.

Сура у посёлка Сурское. Вид с Никольской горы

всё междуречье Оки и Суры заселили финно-угорские племена, и в первую очередь, племена мордвы. Этот воинственный народ в те времена спорил за территорию с представителями так называемой «именьковской» культуры. По мнению некоторых исследователей, основным населением этой культуры были протославяне, то есть, один из этносов, принявших участие в формировании славянских народностей в Центральной России. В VI–VII в.в. н.э. на меловом берегу Суры под Никольской горой находилось поселение протославян, о чём свидетельствуют археологические находки. Чем закончился их спор с мордвой, сказать трудно. Финно-угорские племена были более многочисленны. Скорее всего, они частью ассимилировали протославян, частью потеснили их на запад. Окончательно ответы на все вопросы будут даны в будущем, когда на территории Сурского района археологи проведут тщательные исследования.

Меч-тесак, XIX век. Найден Чекризовым В. М. под Никольской горой

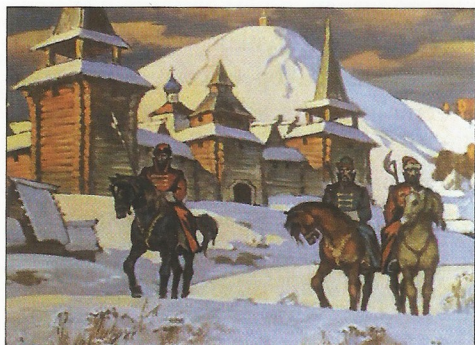
Давным-давно людей на нашей планете разделяли огромные расстояния. Но, видимо, настолько велико было стремление к общению, что люди разных народов и религий, культур и мировоззрений, презрев невзгоды и тяготы пути, бросали вызов пространству и отправлялись навстречу друг другу. Ради общения они пересекали пустыни и океаны, равнины и горы. По пути первопроходцев устремлялись купцы и воины, поэты и служители веры. Они несли с собой культуру своего народа и своё знание мира. Так из глуби веков дошли до нас упоминания о торговых путях, один из которых проходил через наши края.

Тысячу лет назад по лесной опушке у Суры проходила граница Булгарского царства, нарушившего своим возникновением устоявшуюся жизнь финно-угорских и славянских племён. Булгарам приглянулась Приволжская возвышенность, её тёмные, дремучие леса, заполнявшие поймы рек, и широкие степи, поросшие ковылём и типчаком. Булгары жили не обособленно – они наладили торговлю с соседями, отправляли караваны в далёкие государства, пытаясь рассказать о себе дальним народам, стремясь наполнить свои торговые лавки товарами заморских стран. Северная ветка Великого Шёлкового пути, начинавшаяся в городах Ближнего Востока, пересекала южнорусские степи и территорию современной Ульяновской области и дотягивалась до города Булгар – столицы царства.

Караваны проходили мимо Никольской горы, и купцы оставляли дары на её вершине, почитая эту гору священной. Булгары приняли религию Багдадского халифата, строили города, мечети, школы и бани. Они то торговали с Русью, то воевали с ней, нарушая звоном мечей утрюмую тишину присурских и приволжских лесов.

Леса свято хранят тайны тех времён – не найти следов древних булгар, как и самого того народа – лишь на крайнем северо-востоке района, в нескольких

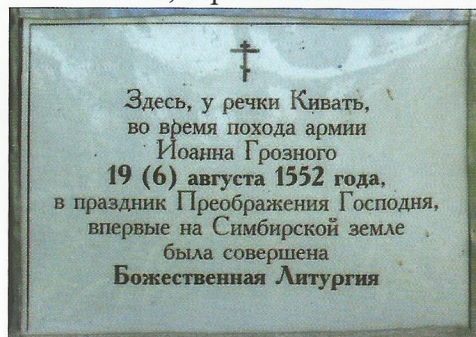
километрах от села Паркино, сохранились остатки западного булгарского форпоста – площадка, обнесённая валом и рвом. По утверждениям помаевских краеведов, на восток от села, на конусообразном холме, «с коего виды селения, отстоящие от Помаева верстах в тридцати», стояла, по преданию, татарская сторожевая башня. А примерно в версте от холма, «по хребту той же горы» виден был ров вышиной в две сажени, шириной в полторы и длиной в 30 сажений, (через который будто был перекинут каменный мост, теперь чуть заметный). Ров соединял два глубоких оврага. Здесь, по преданию помаевцев, «был неверный город и доселе эту гору называют по-мордовски: "Ош-лей лотко пря", что значит "гора, где находятся яма и речка городские"». После разгрома Булгарского царства весь край отошёл к Казанскому ханству, и долго ещё здесь перемешивались языки, обычаи и традиции, сплетаясь в единый бесформенный монолит.

Основание Промзино. Дягилев А.И. (картина хранится в Сурском краеведческом музее).

Четыре с половиной века назад к реке Суре подошли войска Ивана Грозного – полки князей Курбского, Серебряного, Мстиславского и Воротынского, которые походом шли «воевать Казань», и у Баранчеева городища – там, где сейчас находится село Барышская Слобода, что в пятнадцати километрах от посёлка, – наладили переправу через реку. Переправлялись долго – не один день. Да и то верно: тысячи людей, обозы, стада скота для прокорма войска – всё это переправить через многоводную Суру было непросто. Для охраны переправы заложили два острога: один – ниже по течению реки, там, где река Алатырь впадает в Суру, второй – выше по течению, у устья реки Промзы, у самого основания Никольской горы (именно здесь когда-то впадала в Суру река Промза).

Над названиями поселений голову долго не ломали – первый острог так и называли – Алатырь, по названию реки, а второй – Промзино, слегка исказив мордовское название реки. Так – с лёгкой руки царя-батюшки – и появился здесь наш поселок, переименованный впоследствии (в 1931 году) в Сурское.

Камень на месте где в 1552 году была совершена Божественная Литургия

О тех временах доподлинно не известно почти ничего – во время пожара архив сгорел, и те немногие документы, которые оставались, погибли. Известно, что русское войско к середине августа 1552 года собралось у места слияния рек Киватки и Барыш, и здесь в праздник Преображения Господня была совершена Божественная Литургия. Здесь русское войско получило от церкви «добро» на военный поход,

Здесь русское войско получило от церкви «добро» на военный поход,

Крест на месте где в 1552 году была совершена Божественная Литургия

отсюда пошло на восток, закладывая по пути станицы Стрелецкая, Базарный Урень, Тагай.

Спустя несколько десятков лет после того похода, в самом начале XVII века от промзинского острога к Волге началось строительство Ундоровской засечной черты, которая должна была защитить восточные границы государства от набегов кочевников. Засечная черта – это довольно мощное фортификационное сооружение. Само строительство было очень трудоёмким: на безлесных участках копали ров и возводили вал, в лесу рубили деревья и валили их верхушками в сторону предполагаемого противника крест-накрест – отсюда и название – засека. Строительство шло медленно – приходилось и лес рубить, и ров копать, и от беглых отбиваться – уж больно много их бежало тогда в леса за реку Яклу, и вовсе не хотели они, чтобы царёвы люди нарушали их спокойную и размеренную жизнь. У беглых тут была своя вотчина – полтора века они жили сами по себе посреди лесов и болот – промышляли охотой и рыбалкой, а также сеяли хлеб на отвоёванных у леса участках. Ни оброка не платили, ни барщину не отработывали. Славились как очень умелые стрелки из лука – порошу было достать негде, да и сама стрельба из фитильного ружья была не из лёгких – то порох подмочишь, то пыж не так вставишь. Да и ружья были гладкоствольные – пуля не всегда в цель летела точно. Вот и пользовались луком – охотились на кабанов и лосей, добывали боровую дичь. А уж меткости были непревзойдённой – били на лету голубя, а то и дикого гуся. История донесла имя одного из самых известных стрелков – им был «астрадамовец» Николай Кукуй. Как писали в церковноприходской летописи села Усолья, он «мог выпустить 35 прицельных стрел в горлышко казацкой (четырёхугольной) бутылки на расстоянии до 70 сажень».

Остатки засечной черты на южной границе Сурского района
между сёлами Красная Якла и Кезьмино

Наконечник стрелы XVII век, найден в селе
Белый ключ Брызгалиным П. Н. XVII в.

Но строительство Ундоровского вала так и не было закончено: в 1648 году Богдан Матвеевич Хитрово – окольничий и воевода с дьяком Григорием Кунаковым получили царский приказ на строительство новой засечной черты южнее Промзино, а с нею и города Симбирска на Волге. Воевода собирал людей на строительство со всей округи. Из Промзино к Сурскому Острогу (так тогда называлось нынешнее село Первомайское Инзенского

района) и на Карсун ходили обозы с продовольствием и людьми. Дорога шла чуть восточнее деревеньки Болтаевки через леса и поля, а определить её бывшее нахождение можно и сейчас: на месте, где проходила дорога, растёт не смешанно-широколиственный лес, а совсем другой – берёзово-осиновый, и тянется он, обходя крутые склоны и овраги, узкой полоской в пятнадцать метров шириной через весь лесной массив.

Со строительством Карсунской черты граница государства сместилась на юг, и Промзино потеряло военное значение. Но, видимо, именно с тех самых пор каждый житель или гость нашего посёлка норовит непременно вскарабкаться на вершину Никольской горы. Посмотреть по сторонам, послушать шум ветра, полюбоваться засурскими лесами и огромной излучиной реки Суры, подбираю-

шейся к самому подножью горы, почувствовать себя на миг воином-стрельцом государева войска.

А вскоре через все казачьи станицы от Симбирска на Москву протянулся тракт, названный Московским, сыгравший для стоящего на нём Промзино большую службу. Отныне товары и грузы можно было отправлять не только по Суре, но и сухопутным путём. Бывшие же казачьи станицы послужили основой перевалочных пунктов – постоянных дворов Московского тракта. Впоследствии было образовано множество новых поселений, живущих ямщицким промыслом (скажем, «кандарать» в переводе с чувашского означает «отдых» – к а н т а р а т, само же село Большая Кандарать было в XVIII веке обычной ямской станцией на тракте), а в Промзино один за другим в ту же пору возникли постоянные дворы и ямщицкие артели.

Во времена двух крестьянских войн – разинской и пугачёвской – наши края изрядно потрепало. Горели помещичьи усадьбы вокруг Промзино, стекался в одно большое воинство бедный люд. Сначала под начало разинских вожakov, затем под знамёна самозвануого царя Фёдора.

«...Ещё давно, бабушке моей бабушка рассказывала,» – прочитал я чудом уцелевшие воспоминания бывшей жительницы Промзино (записки те нашёл в детстве на погребнице родительского дома вместе с какими-то старинными векселями и облигациями в старой, полусгнившей кожаной сумке. Текст был написан чернилами на мягкой, словно ветошь, бумаге почерком ровным и чётким. Сразу

Тройка

побоялся спросить у бабушки, чьей рукой было написано, боялся, что за векселя и бумаги ругать будут. Так до сих пор и не знаю ничего об авторе. Сумка потом пропала, лишь часть записи осталась в записной книжке). – «Гудело село, словно улей. Переверни улей, а леток закрой – вот и поймёшь, что творилось! Все улицы лапотники забили, меж ними – гонцы самого царя Фёдора с бумагами. Коляски исчезли, не было и купцов, только простой люд <...> Колокола всех церквей заливались веселее, чем на Пасху, – то ли по приказу тех гонцов, то ли от страха, то ли от радости. На Никольскую гору народ толпами валил. С её вершины было видно зарево – в Барышской Слободе горели помещичьи имения.

На следующее утро по Загумённой улице катили телеги, скакали верхами конные, шли вооружённые большими, длинными ружьями люди в подвязанных кушаках кафтанах; несли выправленные в копья косы мужики, одетые в красные рубахи. Народ заполнил всю базарную площадь, а к столбу посреди торгового ряда ножом для резки кож широкоплечий мордвин приколот указ царя Фёдора об освобождении крестьян. Кто-то ликовал, кто-то прятался, многие бедняки ушли за новым царём, но тот, кто ушёл, назад не вернулся...».

Село же уцелело – зажиточных людей было много, не спешили они «рухлядь» свою бросать, не торопились хозяйством разбрасываться – одним словом, не желали в крестьянских волнениях участие принимать. И то верно, ведь торговля была главным делом жителей Промзино. Как писал в 1895 году в своей книге «О селе Промзине» И. Ф. Токмаков, «значительная часть промзинского насе-

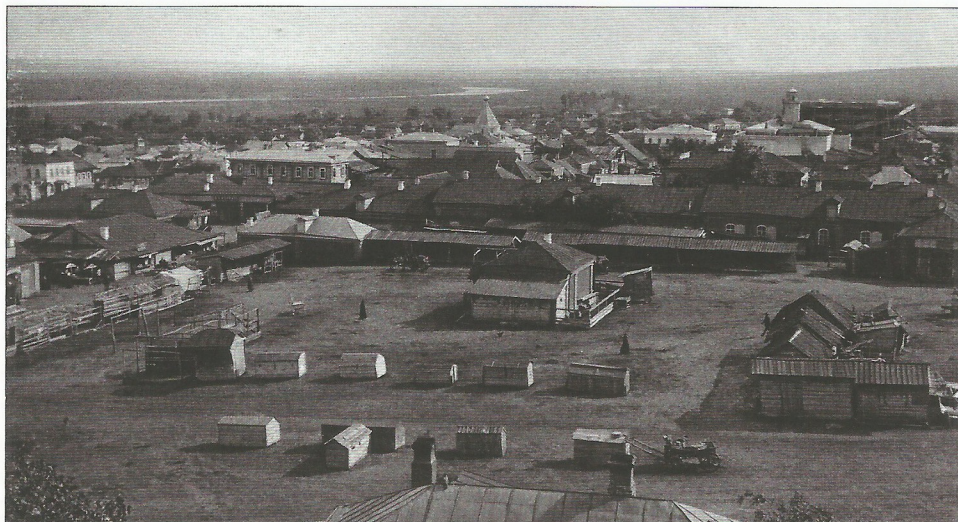

Бурлаки на Суре (кадр из документального фильма. Начало XX века)

ления не земледельцы – весной они ходят бурлачить на Суру и на Волгу, а зимой занимаются грузкой хлеба на местной пристани, а кто посправнее – возкой хлеба, разных товаров, а также извозом». А уж о хлеботорговле и говорить не приходится: Промзино к концу XVIII века окончательно превратилось из военного укрепления в купеческий городок, долго бывший окружным центром хлеботорговли: «Обыкновенно съезжаются в Пром-

Промзинские мужички на Суре

Торговые ряды в Промзине

Соляные склады в Промзине

зино закупать хлеб, – рассказывает всё тот же И. Ф. Токмаков, – от 20 до 25 крупных капиталов (что составляет до 150 расшив и барж в год). Большая часть барж и судов принадлежит иногородним торговцам. Впрочем, есть владельцы судов в Промзине, Барышской Слободе, крестьянских судов очень мало, большею частью суда купеческие <...>, а товару с сурских пристаней отправляется в год на сумму 2 045 000 руб. серебром».

На паромной переправе

И настолько выгодным было купеческое дело в Промзино, что, несмотря на пожары, несмотря на крестьянские волнения, долго сохранялся устоявшийся уклад, до самой революции и даже дольше – почти до коллективизации.

Лишь после 1917 года привычная жизнь начала основательно ломаться. Стремительно понёс революционный поток людей, безжалостно раскидывая их по разные стороны двух чужих берегов. Не удалось селу Промзино затаиться, переждать в стороне смутное время. Появились и в наших краях революционные комитеты, красногвардейские отряды, комсомольские ячейки, случались расстрелы, убийства и мятежи против новой власти. Но была, наверное, причина у людей поддержать вспыхнувший огонь революции, подложить в пылающие кровавые языки свои обиды и надежды! Какими деньгами, словами, какими действиями можно залить обиду жителей Кобелёвки (впоследствии Красных Гор), той самой деревни, которую целиком, вместе с людьми и домами, обменяли за одного породистого пса? А что испытали рабочие самой крупной во всём уезде (на начало XX века) бумажной фабрики в поселке Грязная, вынужденные выполнять по две дневных нормы лишь только для того, чтобы как-то свести концы с концами, для того, чтобы элементарно не умереть с голоду?

Новая власть переворачивала всё с ног на голову: реквизировала дома, делила

землю, вела антирелигиозную борьбу. Почему-то в детстве мне казалось, что и революцию мой посёлок пережил незаметно, и лишь всерьёз увлекшись краеведением, я понял эту свою ошибку. Люди приспособлялись, как могли, пытались выжить, пытались найти верный путь. Появились новые герои. Потехин И. С. служил матросом на крейсере «Аврора», Миюсов А. Н. возглавил добровольческий красногвардейский отряд, Мазанов С. Ф. поднимал на борьбу крестьян. Как говорила в своих воспоминаниях первая комсомолка Промзинской школы Пятницкая Елизавета, «это было время, когда выгоревшая от солнца красная косынка наводила беспокойство на купцов и попов, это было в те годы, когда комсомол бесстрашно шёл на любое задание».

Удивительно, но именно в эти годы Волков А. А., учитель начальных классов Промзинского училища, организовал выступления Народного театра, в постановках которого участвовали учителя и любители театра. По воскресеньям Преображенский Р. А., директор училища, Волков А. А. и другие учителя потягивались, с оглядкой на окна и двери, пели церковные молитвы, а в остальные дни с увлечением работали над постановкой пьес Островского и Чехова. Театр просуществовал больше двадцати лет. Долгое время режиссером была Тяпкова С. Н., выпускница профессиональной драматической студии МХАТ. Художественный руководитель театра «Народный дом» – Волков А. А.

Мой прадед по отцовской линии Сироткин Николай Иванович то ли с первой мировой войны, то ли с гражданской пришёл офицером. Жил в Лаве, крестьянствовал, лошадей держал, на паях мельницей владел. Хозяйство было крепкое, хоть и не было у него сыновей – лишь четыре дочери. На сенокос и уборку всегда помощника нанимал – много ли с одними женщинами наработаешь!

При раскулачивании имущество полностью растащили по соседним домам, а за хозяйственную крепость и прошлое офицерство сослали всю семью в Узбекистан. Через несколько лет «грехи» простили, разрешили вернуться на родину. Прадед в Лаву не поехал, семья жила в Паркино, в Шатрашанах, в Выползово – как сам он говорил: «Жили в татарах, в чувашах, в мордвах». Сам Николай Иванович по возвращении работал наладчиком сельскохозяйственного оборудования в колхозе. Зла на «тех» людей не держал, но и добром не поминал,

Тяпкова С. Н.,
режиссер театра

Преображенский Р. А.,
директор училища

Сироткин
Николай Иванович

а в Лаве с тех пор больше не был ни разу (а, кстати, фамилию того человека, что по миру его пустил, даже я знаю).

Отец в войну был совсем мальчишкой – только в школу пошёл. Любил он с дедом из Выползово в Сурское за запчастями ездить. С утра они запрягали лошадей, укладывали в телегу сено, зипуны какие-то и неспешно выезжали. Дорога из Выползово и сейчас интересная и живописная: бугры с покатыми, обросшими молодыми сосенками склонами, поля, овраги. Они молчали, любясь широкой поймой Барыша, или потихоньку, чтоб не нарушать тишины, разговаривали обо всём на свете. Лишь объезжая Лаву, дед вздыхал – горько и глубоко и как-то шумно и долго скручивал самокрутку. Никогда потом он больше не был в Лаве, никогда не посмотрел на свой бывший дом, на людей, исковеркавших жизнь и ему, и его родным.

Мне всегда кажется нелепым и даже смешным валить все беды на противоречивое время. Время не причём. А вот эта готовность живущих бок о бок людей насолить, унижить, а то и уничтожить друг друга кажется невероятной. Человеческая зависть безгранична – она не признаёт ни дружбы, ни уважения, ни здравого смысла. Живут люди рядом друг с другом, здороваются, руки пожимают, в глаза друг другу смотрят, а появляется возможность «законным» способом опустить одного пониже другого рангом, а то и потоптаться на нём, «по ветру пустить» – и пойдёт на это человек. И о совести забудет, и об элементарной человеческой чести.

Далеко позади осталась и революция, и колхозный расцвет, и война. Пережит пик то ли перестройки, то ли буржуазно-демократической революции. И Промзино наше давно уже не Промзино. Изменилось оно – потеряла свою былую значимость Сура, ушли в прошлое рыболовецкие артели и мукомольные производства, на смену купцам начала XX века пришли другие фамилии, и превратилось село в то самое Сурское, которым сейчас и является – обычным районным посёлком, каковых по России-матушке видимо-невидимо. А напоминает о былом, пожалуй, лишь множество кирпичных домов старинной кладки, ревностное отношение людей к успехам друг друга, засеянные пшеницей поля да Никольская гора.

НИКОЛЬСКАЯ ГОРА

Есть у северо-восточной окраины нашего посёлка на левом берегу реки Суры меловой холм, своеобразный символ посёлка. И невелик он – всего-то от уреза реки 76 м высоты, но далеко о нём знают. Никогда не слышал, чтоб его холмом назвали – только горой. Зовётся та гора Никольской. Приезжие её Николиной называют, не считаясь с местным диалектом, всё грамоте нас учить пытаются. А он, местный диалект, существует, и если послушать говор старых людей внимательно – красоту его услышишь, вплетается он, словно лента в косу, и в треск льда во время весеннего ледохода на Суре, и в стук капель дождя по железной крыше сельского дома, и даже в торопливое июньское кукушкино кукование.

Прежнее название – Белая гора – связано с цветом холма, сложенного верхне-меловыми светлыми отложениями. Нынешнее же название связывают с легендой о явлении Николая Чудотворца на вершине горы во время набега ногайцев. Считается, что стояла их орда перед острогом Промзино, готовая ринуться в бой. Но «появился на горе старец огромного роста, и убоялись ногайцы и от-

Никольская гора – символ и гордость посёлка. Фото со стороны Беловой горы

Никольская гора – фото со стороны реки Суры

ступили». Так ли это было на самом деле или не так, неизвестно – нет на то документального подтверждения, но со времени постройки на вершине горы часовни в 1862 году у горы это название и появилось – Никольская, а само место официально стало почитаться святым. Тянутся сюда люди со всех окрестных мест, взбираются по самому крутому склону на вершину, выражая ей тем самым своё наивысшее почтение и уважение, и принимает людей Гора, говорит с ними мягкими струями ветра и сияющим на солнце меловым блеском.

Геологическая история Никольской горы уходит во вторую половину мезозойской эры. Более 50 миллионов лет – всю первую половину и значительную часть второй половины мелового периода – моря двигались на сушу. Объясняется это очень просто – климат на Земле меняется с завидным постоянством: потепления сменяются похолоданием, и тогда уровень океана падает, но на сушу наступают оледенения, и, наоборот, во время потеплений тают льды и многие территории уходят под воду. Периоды наступления или отступления морей длятся миллионы лет («возраст» человечества перед одним таким периодом – капля), и, конечно, за это время накапливается огромное количество отмерших живых организмов, которые, прессуясь в одну массу, и образуют основу будущих меловых холмов – окаменелые сланцевые глины. Периоды морских затоплений и отступлений морей мезозоя и последовавшего за ним кайнозоя совпадали не только с изменениями климата, но и с поднятиями и опусканиями земной коры в зоне Среднего Поволжья. Альбское море «заложило» основу горы (и всего того огромного мелового массива, частью которого когда-то была и стоящая

Окаменелые сланцевые глины
с отпечатками аммонитов

сейчас особняком Никольская гора). С восточной стороны Никольской горы на берегу реки Суры (берег этот известен как «Камешки») можно увидеть подтверждение тому – сланцевые глины и слои алевроита (бывшие илы Альбского моря) с многочисленными отпечатками аммонитов – живых организмов, населявших некогда воды моря. В последующие эпохи мелового периода в солёных водах мелководных морей в несметных количествах стали размножаться крохотные водоросли с

кальцитовыми скелетиками. Останки этих существ накапливались в виде ила на дне мелководных морей, положив начало слоям мела.

150 тысяч лет назад начал таять подошедший вплотную к северной границе современного Сурского района ледник Днепровского (или, как его называют, Великого) оледенения. Слой льда, вероятно, доходил до двух километров, и продержался он не менее 50 тысяч лет. При потеплении освободилось огромное количество воды, потоки которой хлынули на юг, заливая все понижения, вымывая мягкую меловую породу. Именно поток вод ледника не только создал долину «Пра-Суры» («предка» современной Суры), текущей в те времена с севера на

юг, но и отсоединил Никольскую гору от основного мелового массива. Ледник отступил далеко на север, в Гренландию, Сура, превратившись в обычную реку, потянулась за ним, изменив направление течения, а Никольская гора так и осталась стоять особняком, напоминая о существовании морей и ледников, о существовании красоты на земле.

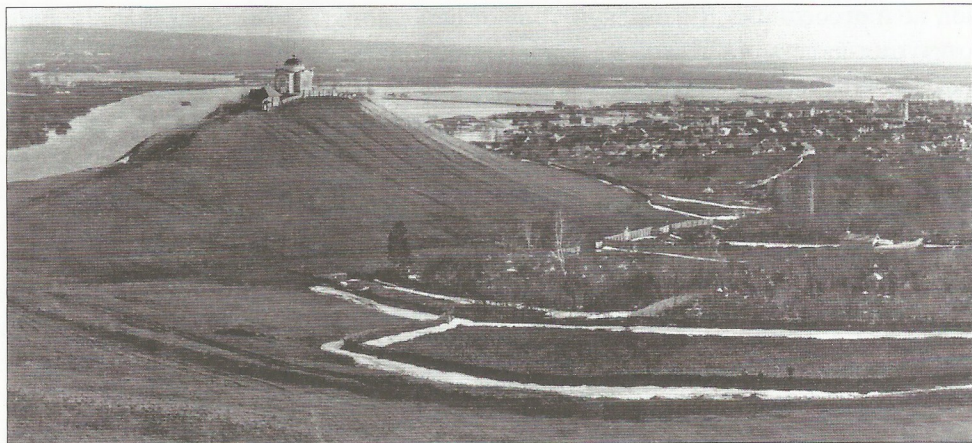

Никольская гора на празднике явления Николая Чудотворца. Фото начала XX века

Под горой – родник. Вода светлая и настолько чистая, кажется, наполни такой водой озеро Байкал – дно увидишь! Может, тому меловое основание помогает, а может, намоленность места – святым источник считается давно. Идут сюда люди год за годом, особенно на религиозные праздники. Воды набрать, а то и искупаться. Чтобы кто излечился от какой болезни – слышать не приходилось, но то, что эта вода лучше водопроводной – факт бесспорный.

И воздух. Здесь, на берегу, на горе он с привкусом речного песка, мела, мать-и-мачехи, дубовых листьев и сосновых шишек. Вдыхаешь, а лёгких не хватает. И особенно ощущается этот вкус утром, на рассвете. А зимой воздух просто свежий. От снега, может быть, оттого, что трубы не коптят, а может, оттого, что места эти до боли родные.

В начале 1622 года на левом берегу р. Суры, у подошвы Белой горы, недалеко от родника, старицей Паисией была основана женская Пустынь, где была построена деревянная церковь. Упразднили монастырь в 1764 году (хотя до сих пор с восточной стороны у подножья горы весной талые воды вымывают кости захороненных на месте старого кладбища Пустыни). Официально это место считается археологическим памятником «Сурский групповой могильник», датируемый XVII веком н.э.

Вид на Никольскую гору и село Промзино с Беловой горы. Фото начала XX века

В 1862 на вершине Никольской горы была построена небольшая каменная часовня, куда Чудотворная икона выносилась к 9 мая (по старому стилю).

Во время борьбы с религией часовня была разрушена и вновь возведена по старинным рисункам и фотографиям в 2003 году по инициативе председателя Законодательного Собрания Ульяновской области С. Н. Рябухина.

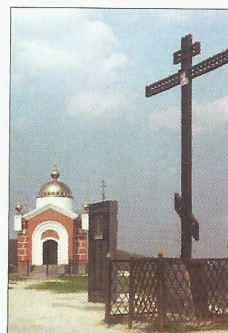
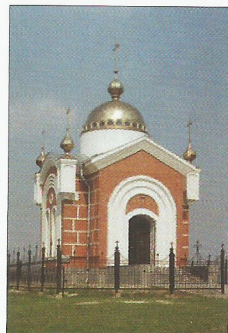

Крёстный ход. Село Промзино. Фото начала XX века

Конечно, когда-то гора смотрелась куда более величественно – всё-таки вершина была округлой и небольшой по площади – это на старых фотографиях видно. И часовня та едва умещалась, но срезали вершину в 60-е годы прошлого века, во время нового всплеска борьбы с религией. Равняли бульдозером, хотели какое-то сооружение построить, вроде трамплина или горнолыжной базы. Всё-таки пытается человек с Богом тягаться – горы равнять да реки вспять повернуть мечтает. Достигает такой человек высокой должности, и кажется, что

всё на свете ему доступно и дозволено, всё на свете он может. Человеку тому делом бы заниматься – дороги строить, дома, но ему этого мало, не хочет он уже «быть вольною царицей», а хочет быть владыкой всего живого. И повелевает такой «хозяин» обустраивать планету.

Один из местных трактористов-бульдозеристов начал работу, но не удержал на вершине трактор, сорвался, потащило его вниз. Чудом зацепился трактор за корни и ствол стоящего у самой вершины дерева. Тракторист не пострадал, но работу было решено не продолжать. С тех пор вершина Никольской горы не округлая, а плоская.

Никольская гора – место паломничества тысяч людей. К празднованию Николы Чудотворца (22 мая по новому стилю) сюда съезжаются до 30 тысяч человек из близлежащих районов

СУРА

Суру помню с шести лет. В тот год в связи с переводом отца в другую часть отпуск у мамы случился раньше, и мы приехали в Сурское в начале апреля. Помню показавшийся мне очень чёрным асфальт, очень длинные улицы сёл, через которые шёл путь от Ульяновска, и старую узкую дорогу через лес, которую пассажиры называли гатью. Высокая насыпь, вымощенная булыжником, пересекала все пойменные озёра по деревянным мостам (сейчас я понимаю, что дорога была построена правильно, с любовью к природе – во время разлива через эти озёра вода спокойно растекалась по пойме, не создавая заторов, питая озёра и луга).

Сура в среднем течении

Небольшой автобус, битком набитый пассажирами, жёстко подпрыгивая на каждой кочке, еле умещался на булыжном покрытии. Сура разлилась. Едва мы спустились с Ключевской горы, как попали буквально в водное царство – все низины, все овражки были сплошь заполнены водой. У первого же моста вода не стояла на месте, она текла, прижимая к земле кусты лещины и бересклета, ломая и стаскивая в кучи сухие осиновые сучья, валявшиеся на земле. Я смотрел в окошко автобуса без страха (всё-таки рядом были взрослые), но с некоторым недоумением – чем ближе мы подбирались к речному берегу, тем всё больше

Старая дорога через пойму Суры. Четвертый мост. 60-е годы прошлого столетия

Во время разлива Суры и Промзы. 60-е годы прошлого столетия

Во время разлива Суры и Промзы. Фото начала XX века

воды становилось вокруг насыпи, и я не знал, как мы будем переправляться через реку.

Постоянного моста тогда ещё не было. Каждый год деревянный мост возводили вновь, а во время разлива через реку ходил паром и моторные лодки. В тот день мы переправились на «моторке». Про себя я почему-то назвал её катером – может быть, потому, что сидел на корме рядом с громко трещащим мотором, а может, за волны, которые с плеском расходились от лодки в стороны. Мы

Паромная переправа через Суру

шли к противоположному берегу, ловко огибая куртины топляка и небольшие редкие льдины. Мама старалась держать меня за плечо, а я сидел, опустив руку в воду – борта возвышались над водой всего сантиметров на пятнадцать. Я не умел тогда плавать, но вместо страха было чувство удовлетворения – наконец-то я мог потрогать рукой родную реку.

В тот год мы прожили в Сурском до конца августа. Ходили на Никольскую гору, ходили за орехами и ягодами и почти каждый день совершали походы на Суру. Для того чтобы попасть на пляж, нужно было спуститься в «Ванькину деревню» (на улицу Водников), пройти тропинкой меж огородов и переправиться по мосткам через Промзу – тогда ещё никто не пытался поворачивать её вспять, она текла в естественном русле. Мы с мамой каждый раз шли именно этой тропкой. Шли друг за другом. Мама обязательно надевала на голову большую старинную панаму и льняной сарафан, я же топал почти нагишом – в неизменных коротких шортах и кожаных сандалетах – я радовался возможности по-настоящему «пожариться» на солнышке. Думаю, мы представляли классический образ дачников-горожан. Солнце жгло плечи, пахло картофельной ботвой и полынью, лёгкий ветерок с Суры доносил запах речного песка, мать-и-мачехи и восторженные крики купающихся. Борясь с нетерпением, я бегал взад-вперёд, стараясь заставить маму идти быстрее, но она шла неспешной походкой и с каким-то блаженным удовольствием поглядывала по сторонам.

Художник Лев Нецветаев. 1970. Улица Водников

Лев Нецветаев. 1970. Сура у пристани

Лев Нецветаев. Сурские тополя. 1970 год

Почти стоячая вода Промзы казалась прозрачной, словно в аквариуме. Всякий раз, когда мы подходили к мосткам, я видел плотную стайку мальков, замерших у самой поверхности. Они почти неподвижно висели в воде, лишь плавники их слегка шевелились, и едва заметно дрожали жабры. Раз я не выдержал, спрыгнул с мостика в воду и тотчас провалился по пояс в густой, вязкий ил. Долго копошился в нём, как перевёрнутый на спинку жук, и злился на маму — она стояла, держась за перила, и добродушно смеялась над моими неловкими попытками выбраться на берег. Мама понимала, что учиться человек должен только на собственном опыте, поэтому и позволяла мне подобные «эксперименты» (кстати, больше я подобной попытки не совершал).

Сура тогда мне, шестилетнему мальчишке, показалась огромной. Я стоял у самой береговой кромки и не мог оторвать взгляд от воды. У берега было довольно спокойно, но там, дальше, течение становилось быстрым, воду крутило водоворотами. Деревья — огромные ивы и тополя, росшие на противоположном берегу, отражались в воде, а за пристанью виднелась Никольская гора, меловые «бараньи лбы» и лес на макушке водораздела.

Я зашёл на три или четыре шага — по грудь — и начал нырять. Песок под ногами рассыпался от толчка, мелкая галька щекотала подошвы ног, вода казалась лёгкой и подвижной. Как это было здорово! Я набирал воздух в лёгкие и нырял «щучкой». Через несколько секунд, оттолкнувшись от дна ногами, с шумом всплывал вверх. Вода искрилась в солнечных лучах, легонько подхва-

Рыбаки на Суре. Начало 1960-х гг.

тывала меня и протаскивала вперёд. Я выскакивал на берег, перебежал вверх по течению несколько шагов и снова плюхался в воду. То – первое чувство необычайной свежести воды, мощи реки, чувство какой-то необычайной свободы и красоты – осталось на всю жизнь.

Переплыл Суру впервые в классе седьмом (мы уже переехали сюда, на родину, насовсем). Было страшиновато – у противоположного высокого берега из воды торчали коряги, вода бурлила вокруг них, раскачивала. Я отчаянно пытался выгрести к желтеющему песчаному пятну и не мог – сносило течением. Дно ногами нащупать даже не пытался. Лишь когда руки коснулись берега, я перестал барабанить по воде ногами и выполз на песок. Отдышался, вскарабкался на кручу и огляделся по сторонам, ощутив внезапно такую гордость, что захотелось закричать во весь голос. Речные ласточки словно сошли с ума – носились вокруг, кричали непрерывно, то и дело ныряя в свои норы-гнезда, но мне казалось, что они радуются вместе со мной.

Тогда же, в седьмом классе, я здорово втянулся в рыбалку, вернее, меня втянул друг – Серёжка Кулагин. Втянул быстро, я и глазом моргнуть не успел: в начале мая мы в первый раз вместе вышли на каменистый берег Суры, а к середине лета я уже превратился в заядлого рыбака. Сначала мне понравилось следить за поплавком на перекатах под горой у посёлка, затем я начал чувствовать в себе способность перехитрить рыбу, и наконец появился самый настоящий охотничий азарт – едва я брал удочку, – руки начинали дрожать от нетерпения. С Сергеем мы облазили все яры и излучины Суры.

А вообще, лет сорок – пятьдесят назад в посёлке ещё можно было встретить людей, живших рыболовством, – профессиональных, так сказать, рыбаков. Одного такого человека – Ивана Федоровича Сумёнка – я хорошо помню – мы жили огород в огород. Он был не только рыбаком, но и мастером по изготовлению лодок-долблёнок. У его дома всегда лежали огромные обрубки осиновых стволов. Несколько недель он долбил долотом и топором этот обрубок, превращая его в лодку, словно Робинзон Крузо. Тогда мне казалось, что не любит он людей – взгляд уж больно у него был колючий – он этим взглядом словно преграду какую ставил: сведёт брови и стучит деревянным молотком. А на реке преображался: песни бормотал, улыбался, по сторонам глядя.

А вообще тогда можно было быть рыбаком. Рыба водилась самая разная – и налим, и сом, и язь, а самой главной – царской – считалась стерлядь. Стерлядку ловили все, за счёт стерлядки кормились и наживали капитал. Отец рассказывал, что, будучи мальчишкой, не раз ходил с ночевой «на стерлядку»:

– Ловили её на «кручах» – в ярах. Здесь же и наживку запасали – личинки одного из видов мотыля. Того, что помельче, называли «овсяником», того, что покрупнее, – «мятел». Вытащишь ком чёрной глины на берег, разобьёшь его, наберёшь личинок – и айда! Мужики по глинистым берегам не лазали – или нас просили, или таскали глину самодельными металлическими ковшами, укреплёнными на длинные рукоятки. Подцепят ком, вытянут его на берег и разбирают.

Ловили стерлядку на донную удочку.

– Насадишь наживку, закинешь удочки (а у меня их штук десять было) и

ждёшь, от донки к донке бегаешь, – вспоминал отец. – Если повезёт, за зорьку десяток натаскаешь, а то и больше. Единственное что, некрупную стерлядку удавалось поймать, «гвоздиками» промеж себя их называли. Крупную стерлядь ловили профессиональные рыбаки, или те, что в рыбных артелях работали. Для ловли крупной рыбы обязательно нужно было места знать.

Профессионалы, по словам Виталия Каткова, бывшего рыбнадзора «всея Сурь», чётко знали места – где, в каком яру в то или иное время будет хороший клёв. Наживку хранили долго и бережно – во мху, со всякими особыми предосторожностями – чуть поливали мох, но в меру, чтоб овсянник живым оставался, не задохнулся. Уходили надолго – жили на Суре по неделям, а добытую рыбу через перекупщиков поставляли на базары не только в Сурское, но и в Ульяновск и другие места.

Рыбаком номер один считался Павел Фёдорович Сумёнков:

– Он как сквозь воду видел эту стерлядь. Словно заговаривал её – уж столько налавливал!

Виталий рассказал, как был удивлён, когда однажды увидел их с братом Иваном, возвращавшихся с рыбалки из-под Красного Яра. Самому Виталию было тогда лет пятнадцать, или шестнадцать:

– Никогда большего улова видеть не приходилось. Все мы – рыбаки – вешали пойманную рыбу на кукан: и переносить легче, и вообще принято так было. Так вот, у них кукан был привязан к беседке (лавочке в долблёнке), и вся пойман-

Виталий Катков и Константин Кожаев

Виталий Катков (в центре), Фёдор Жигарин и гость из Ульяновска на Пичерках

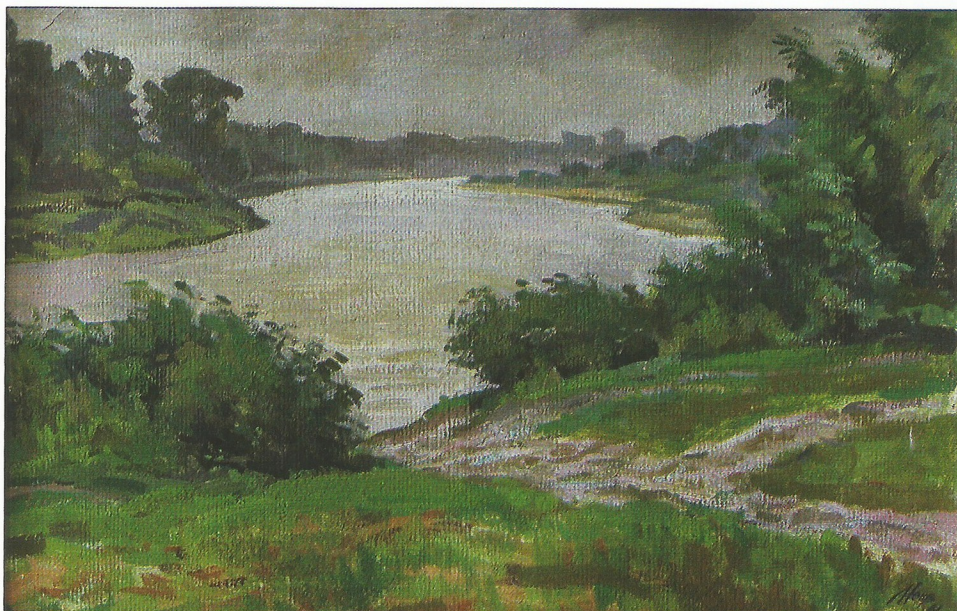
ная рыба висела на кукане за бортом. Лодка шла тяжело, после каждого взмаха веслом кукан с закрепленной на нём рыбой медленно всплывал вверх, и было видно, что он почти с лодку длиной. Кукан всплывал, а затем, когда рыбаки делали новый замах, опять медленно погружался.

А сколько иногороднего народу на Суре перебывало! Тот же Виталий Катков рассказывал о существовании охотничье-рыболовецкой пичерской базы. Большая была база: егеря, дом на берегу Пичерского озера, баня. Приезжали не только с Ульяновска, но из Горького (так назывался Нижний Новгород), из Москвы и даже из республик бывшего соцлагеря – Венгрии, Болгарии – стерлядки хватало на всех.

Сам я стерлядку никогда не ловил – уже не довелось. Но попробовать её – попробовал. Это было в тот, первый, запомнившийся мне приезд. Рыбаки носили свой улов на рынок каждый день, но особо богатым был воскресный базар. Из-за стерлядки я ждал каждое воскресное утро. Мы с бабушкой и мамой шли по рядам, буквально ломившимся от свежей рыбы, но выбирали именно стерлядку. Выбирали привередливо – её было на прилавках немало – запрещалось вылавливать и продавать лишь стерлядь, набитую икрой. Купленная стерлядка была не очень большая, может быть, килограмма на полтора, может, чуть больше, и мы тут же, по возвращении домой, варили уху. Может быть, я преувеличиваю, но такой ухи мне больше есть не приходилось никогда. Она была по-особому наваристой, перец и лавровый лист придавали мясу чуть терпкий вкус, но больше всего мне нравились грызть мягкие стерляжьи хрящики. Возможность

А. С. Гордеев. Баня на Пичерках

Лев Нецветаев. Дождь на Суре

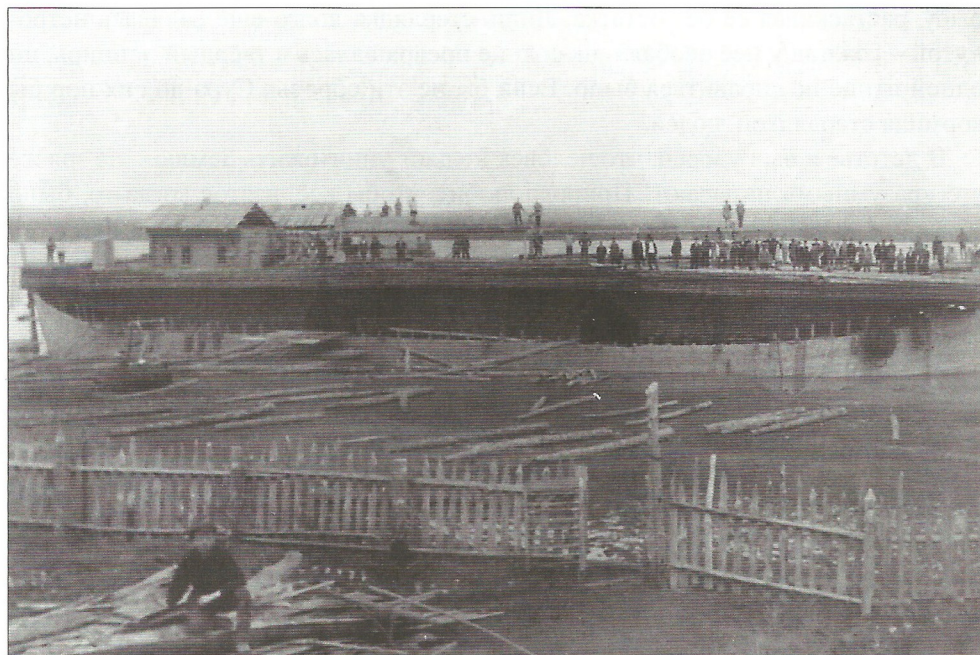
Когда-то Сура считалась судоходной для плоскодонных судов. С XVIII по начало XX в. река была одной из важнейших транспортных артерий Симбирской губернии. Она позволяла перемещать разнообразные грузы в центральные районы России. Временем массового сплава по Суре было половодье, когда уровень воды заметно повышался. Половодье случалось на Суре раньше, чем на Волге, поэтому грузы, в частности, знаменитый сурский хлеб, доставлялись на биржи Нижнего Новгорода и Рыбинска ранее волжского. Из пристаней, существовавших на Суре в середине XIX века, самой крупной считалась Промзинская пристань

есть рыбу вместе с костями мне, совсем юному городскому мальчишке, казалась невероятной.

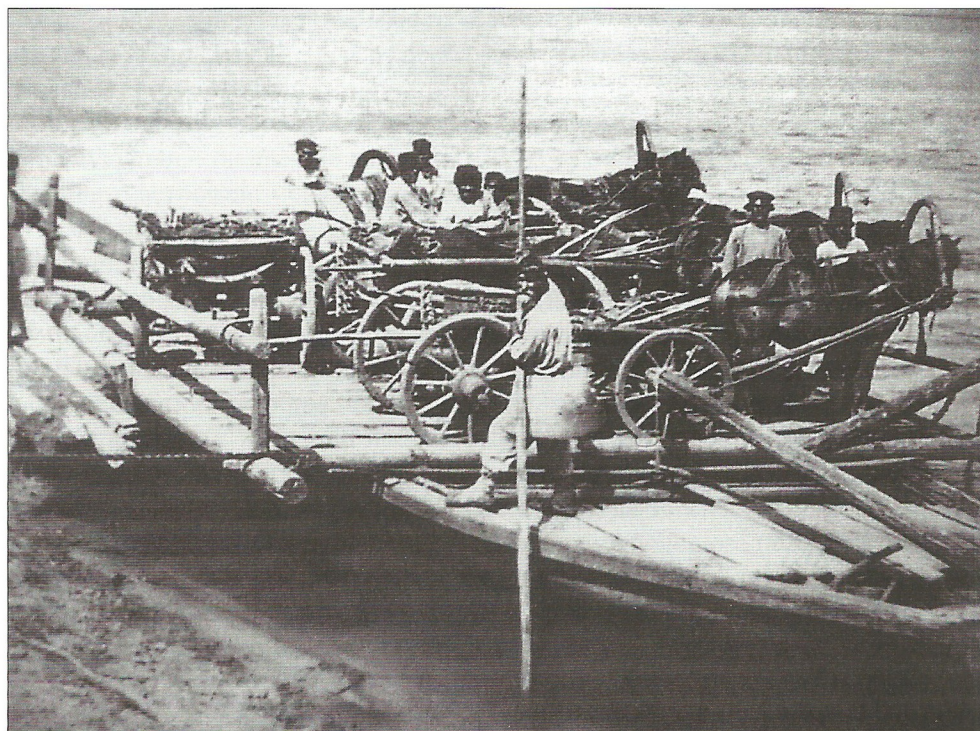
Потом, спустя несколько лет, будучи студентом географического факультета, я прочитал о сурской стерлядке в записках Л. С. Берга, академика, путешественника и известнейшего ихтиолога, бывшего в 1903–1904 годах смотрителем рыбных промыслов среднего течения Волги, следующее: «Известно, что сурская стерлядь обладает высокими вкусовыми качествами. Из объективных показателей обращает на себя внимание янтарный цвет жира сурской в отличие от белого – волжского. На протяжении двух последних столетий она пользовалась широким спросом и была в продаже как один из массовых видов, поступая в живом виде в крупные города и торговые центры на Волге. В середине прошлого XIX века Нижегородская ярмарка полностью снабжалась сурской стерлядью, которой здесь добывалось больше, чем на всей средней Волге». А нерестилищами стерляди (по данным учёных-ихтиологов) в нашем крае всегда считался район близ устьев малых рек и, в первую очередь, реки Чиберчинки с глубиной во время паводка до 8 метров.

В зиму с 1967-го на 1968-й год в результате массового сброса отходов химического завода в Пензе рыба в Суре погибла. Погибла вся, дочиста.

– Полая вода ушла, оставив берега, усеянные погибшей рыбой, – рассказывал Виталий Катков. – Огромные стаи воронья летали над рекой – клевали дохлую

Разгрузка с баржи

Паром на Суре у Промзина. Фото В. Каррика. 1870-е гг.

рыбу, растаскивая её без остатка. Лишь стерлядка долго ещё валялась нетронутой – кожа у неё особая – на солнце превращалась в твёрдый панцирь, ни одной птице не справиться было. Если бы не эти сбросы, Сура до сих пор бы кормила стерлядкой людей.

В детстве я был уверен, что человек не даст уничтожить Землю – не зря же его «разумным» называют! Природа любит, чтобы всё, взятое когда-то, было обязательно возвращено, положено на место. Иначе не выжить нам, не выжить нашим детям. Но мы не верим Природе, не верим в её могущество! Всё меньше остаётся лесов по берегам, всё меньше желтеющего песка на отмелях, вместо них – тёмный ил и густой тальник.

Попытались в начале 1980-х годов повернуть русло Промзы – показалось какому-то очень важному человеку, что он способен с Богом поспорить по части создания новых ландшафтов. Приказами бросаться – дело нехитрое. Сделали – прорыли новое русло через Барский лут, а через несколько лет в посёлке поднялся уровень грунтовых вод. Хорошо, хватило разума вернуть реке старое русло – целое лето в 2008 году тяжёлая техника в посёлке работала. Ждём сейчас – может быть, отпустит река обиду, вернётся к Никольской горе в прежнее своё устье, потащит за собой грунтовые воды! А если не отпустит? А если усмехнётся?

Вобщем, хотелось бы, чтобы какой-то мой далёкий потомок вышел вечером на берег Суры и увидел её живой – чтобы и круги по воде от играющей рыбы, и вода чтобы свежестью пахла, и чтобы ласточки речные её не покидали.

ДОМА. ЛИСТАЯ СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

В детстве я очень любил лето. Всегда ждал его с каким-то жадным нетерпением. Мне казалось, что мир расцветает не весной, не в мае, а в июне, когда спадает вода весеннего паводка, когда шмели качают ромашки на заливных лугах, когда листья дубов на опушках становятся упругими и крепкими.

В начале каждого лета мы ехали отдыхать на родину, в Сурское. Отец был военным, и большую часть времени года мы жили в военных городках, но отпуск родители старались проводить на родине. Для меня сама поездка была событием, я всегда очень тщательно готовился к путешествию: рисовал карту, читал о местах, через которые предстояло проехать, а в пути старался не отрываться от окна.

Больше всего любил первое утро в бабушкином доме. Не помню, чтобы хоть раз этот первый день был ненастным – всегда было тепло и светило солнышко. Перед домом, в палисаднике, росли берёза и огромный куст жасмина. Сколько этот куст ни подрубали, он всё равно разрастался, привлекая птиц. Моя кровать стояла у открытого окна, и я просыпался от птичьего гомона. В первое утро я не вставал сразу, долго лежал, стараясь разобрать среди птичьего многоголосья крик кукушки – он еле-еле доносился из-за реки, но я всегда ждал его: бабушкино лето встречало меня именно этой спокойной и грубоватой песней. Чуть-чуть будоражил доносившийся с реки запах мать-и-мачехи, влажного песка и скошенной травы – на заливных лугах начинался сенокос.

Я помню этот дом с русской печкой, белёными потолками, толстенными стенами, огромным дощатым столом и старинной этажеркой с книгами – бабушка не спешила что-то менять. Она ловко шебутилась возле печки: «пылушки» пекла – булочки такие сдобные с едва заметной корочкой. Молока нальёт в большую глиняную кружку, пылушки маслом смажет обильно – вкуснотища!

Дом тот не какой-то особенный – обычный старинный дом. Стоит на взгорке, окнами на восток. Небольшой, приземистый. Когда-то у него был второй этаж – бревенчатый, высокий. Этот верх сгорел во время большого пожара. Мама мне рассказывала, что в тридцатых годах случился пожар, в котором сгорело много домов, в том числе горел и наш. Сгорело всё – конюшни, надворные постройки. У прадеда тогда не хватило сил восстановить дом полностью – не стал он вновь возводить второй этаж.

А вообще, мне приятно, что дом родовой, что строил его ещё предок мой полтора века назад. Жили в нём мои родители, деды, прадеды. По преданию,

прапрадед (по материнской линии) сам раствор замешивал, сам кирпич подгонял. Раствор готовили тщательно: добавляли яичный белок с известью, перемешивали, а затем в яме без воздуха «гасили». Все старые дома в посёлке на таком растворе стоят. Крепко он кирпич держит – не растащишь.

Прапрадед «ямщину гонял», постоянный двор держал, лошадей. В посёлке тогда несколько постоянных дворов было. В Промзино раньше торговать ездили со всех соседних сёл, здесь устраивались ярмарки, базары. И на постоянном дворе ночевали прохожие люди, отдыхали, чай пили из огромного самовара. Долго ещё, уже в наше время, запоздалые путники в наш дом стучались, ночлега просили – по привычке. Это я уже помню – это на моей памяти было.

На переднем плане – пожарная команда, жители Промзино, за их спинами справа виден деревянный второй этаж родительского дома (в центре – прапрадед). Слева дом купчих Соколовых, торговавших шерстью и пряжей (в годы войны в этом здании располагался военкомат)

Прадед воевал в первую мировую войну – был старшим фейерверкером 45-го паркового артиллерийского дивизиона (как правило, звание присваивалось лучшим бомбардирам и канонирам), в сентябре 1917-го являлся членом Армейского комитета 42-го армейского корпуса, базировавшегося близ Петрограда. Знаю о том времени немного – как правило, люди, которые воевали, не очень любят рассказывать о войне, и прадед – не исключение, но, видимо, война не очень поломала его характер. Нрава он был крутого – очень не любил, когда кто-то поперёк его воли что-то делал. Одно время он был церковным старостой. Служители церкви были не прочь «выкупать стопочку» после службы – а у прадеда всегда был запас водки. Они засиживались на постоянном дворе надолго, стопка та перерастала в серьёзные возлияния, но заканчивалась встреча всегда одинаково – прадед выгонял пьяных служителей с криками и тумакami. Они божились наслать на него проклятье, но после очередной службы всё по-

Членский билет Ивана Резвухина, представителя Армейского комитета. 1917 год

вторялось вновь – служители, подобрав рясы, чинно рассаживались за столом, а прадед наливал им «по первой стопке».

С его нравом бабушка – Антонина Ивановна – по-настоящему столкнулась в юности, когда стал вопрос о её учебе в педагогическом техникуме. Сразу после школы (шёл 1930-й год) она решила продолжить учёбу, но прадед воспротивился: по своей малограмотности и упрямому нраву он считал, что молодым девчонкам никакая учёба не нужна, что они «там, в городах» только любовь налево-направо крутят. Тогда бабушка (в ту пору – восемнадцатилетняя девчонка) собрала чемодан, синими своими глазами сверкнула и уехала в Ульяновск самовольно – очень уж ей хотелось продолжить учебу... За послушание он отказал ей в помощи – за два года учёбы не прислал ни копейки, сама она выкручивалась. В дальнейшем и учительский труд её прадед в открытую презирал: что, мол, это за дело, «чужим детям сопли вытирать». Лишь во время войны, когда в первую, самую тяжёлую зиму выкрали у них из сеней несколько мешков муки – весь продовольственный запас, когда вытянул всю семью из последних сил бабушкин учительский паёк, когда она и в школу поспевала, и за больным прадедом ходила, смирил он гордыню. На колени встал: «Не прав я был. Прости меня, дочка...».

А вообще заставить коренного промзинца ошибку свою признать – неблагодарное дело – слишком уж гордый и упрямый народ эти купцы и торговцы.

Бабушка проработала в школе сорок лет. Кроме работы и «милого Сурска» она очень любила свой дом. Помню выражение её лица, когда после довольно

На переднем плане часовня Александра Невского на перекрёстке улиц Купеческой (ныне ул. Хазова) и Большая Дорога (ныне ул. Ленина). Фото начала XX века

Улица Большая Дорога. Вид на часовню Александра Невского. Фото начала XX века

долгого отсутствия (несколько месяцев она жила с нами в военном городке в Ивановской области) мы прошли в горницу и бабушка села посреди этой горницы на стул. Помню, с каким удовольствием она села, с каким облегчением вздохнула в этот миг, а потом оглядела с удовольствием каждый угол и произнесла: «Дома...». Всё-таки моя любовь к посёлку и родным краям от неё.

Бабушка любила читать. Читала с удовольствием и интересом. Она и мне помогла выбрать первую книжку. Я на подоконник садился и читал. Подоконник в стену шириной – удобно было сидеть. Ноги подогну, спиной в стену упрусь – уютно. Из окна берег реки было видно и лес: огромные тополя, вязы и дубы на самой круче, за ними сосны, а дальше туман, скрывающий, кажется, само заповедное Лукоморье. Все книжные герои будто оттуда выходили, из того леса.

Рядом, забор в забор с родительским домом, стоял двухэтажный купеческий особняк с резными каменными наличниками, балконами, широким деревянным крыльцом и многочисленными гнёздами стрижей, ютившихся под добротной железной крышей. Он находился на небольшом возвышенном месте – купцы любили ставить дома на виду. Почему его выбрали для военкомата, не знаю, но тогда, в сорок первом году, этот особняк стал главным зданием посёлка. Он стал сборным пунктом. Тут формировались команды из призывников, зачитывались приказы, тут расставались. Мама рассказывала, что к ним в дом во время проводов всегда заходили люди попить чаю – в дни проводов огромный самовар в их доме всегда пыхтел паром. Мама говорила, что в её обязанности входило следить, чтобы самовар всегда был кипящим во время проводов.

Недостроенный собор в Промзино. Разобрали в 30-х годах XX столетия

Перекрёсток улиц Загумённая (ныне улица Советская) и Большая дорога (ныне улица Ленина).
На заднем плане дом Я.Е. Участкина, купца, торговца мануфактурой. Фото начала XX века

Здание почты на улице Ленина. Бывший дом Юрасова, страхового агента. Современное фото

Здание поселковой администрации. Принадлежало купцу Цилину, владельцу магазина.
Современное фото

Здание административного корпуса Агротехнологического техникума. Построено в 1852 году
петербургскими купцами Башкировым, Блиновым, Бугровым, торговавшими хлебом.
Современное фото

Проводы в то лето были очень частыми, каждую неделю, а то и чаще, но мама особо запомнила один такой день. Тогда здесь, у военкомата, формировалась особо большая команда, люди собирались со всех окрестных сёл и деревень. Мама рассказывала, что телеги катили с раннего утра, стекались со всей округи. Лошадей привязывали к длинному прогону коновязи, но места не хватало – подводы забили всю площадь перед военкоматом. Было шумно, галдёжно, словно люди хотели наговориться о привычных заботах впрок. Гармонь в обречённом исступлении выводила одну и ту же мелодию, частушки сменяли одна другую без пауз, словно это могло оттянуть трагичный момент расставания. Кто-то тщательно, по-крестьянски, завязывал кисет с табаком чуть дрожащими пальцами, кто-то кормил с руки лошадь, поглаживая её шею и заботливо оправляя сбрую, а кто-то заходил в дом, где жила мама, попить чаю. Лишь стрижи гонялись друг за другом, беззаботно радуясь скоплению людей и лошадей. Мама выходила несколько раз, вставала на планку палисадника, чтобы осмотреть всю площадь, удивляясь такому количеству людей.

Она видела, как на крыльце военкомата появился человек в военной форме. Мгновенно смолкли разговоры, захлебнулась гармонь. Повисла безжалостная и ненавистная тишина. Мама вспоминала, как долго не мог ничего сказать тот военный, словно в горле у него встал комок, и он пытался, но никак не мог его сглотнуть. Сгрудившаяся на площади и до последнего не верящая в происходящее людская толпа разом вздрогнула, когда осипшим и слегка дрогнувшим голосом он наконец бросил команду:

– Строиться в шеренгу по четыре!

Теперь уже никто не пытался скрыть нахлынувшего отчаяния. Женщины словно в безумии вцеплялись в своих мужей и сыновей, но военный шёл через толпу в центр площади, угрюмо повторяя раз за разом: «Строиться, строиться», и женщины отступали перед неумолимой, словно приговор, командой, застыли на месте.

Мама рассказывала, что никак не могла понять происходящее, не могла понять причину этих всеобщих обречённых рыданий, этого многоголосого женского воя. Она увидела, что мужчины стали в строй, потом по команде повернулись и медленно пошли куда-то прочь от военкомата, угрюмо глядя себе под ноги. Она видела их спины, плечи, кисти рук, мелькающие в такт шагам, и не видела лиц. Лишь один из уходящих чуть вышел из строя и оглянулся – молоденький паренёк, растерянный, как нежданно потерявший гнездо птенец-сеголеток. Его взгляд скользнул по застывшей в неживом оцепенении толпе, мелькнула робкая улыбка, поднялась на прощанье рука. Но через мгновение он опять шагнул в строй, и уже невозможно было разглядеть его среди других, уходящих шаг за шагом. Ещё некоторое время мама видела строй, который прошёл по главной улице и свернул к парому. Там, за рекой, их ожидали грузовые машины, чтобы везти на формировку. Старик-паромщик молча, опустив голову, ждал, когда люди заполнят палубу его нехитрого судна, а затем, не поднимая глаз, медленно переправил их через реку...

Было маме в тот день всего пять лет. Но она почему-то очень запомнила те

проводы. Мама говорила, что, провожая строй, впервые ощутила себя взрослой. Вообще, это страшно, когда пятилетний человек пересчитывает крошки ещё не съеденного хлеба и понимает значение слова «похоронка».

Всю жизнь мама преподавала иностранные языки в школе – английский и немецкий – но всегда как-то бледнела и внутренне напрягалась, когда слышала на улице тех крупных городов, где нам приходилось бывать, немецкую речь.

Больше пятнадцати тысяч человек ушли от этого здания к парому в те четыре года, с 41-го по 45-й. Каждый второй не вернулся, и в том списке есть и мои близкие родственники...

А вообще, домов старинных – кирпичных, добротных – в Промзино немало. И есть тому причина. Как писал ещё в 1895-м году в своей книге «О селе Промзине» И. Ф. Токмаков, «Причина большого количества двухэтажных домов коренится в особенностях быта промзинцев. В Промзине испокон веку временно помещаются хлебные торговцы и приказчики верховых купцов. Они приезжают сюда в конце ноября и живут часто до самой грузки хлеба. Отсюда они производят свои хлебные операции, для них-то преимущественно и строятся двухэтажные дома: в нижнем этаже помещаются хозяева, а в верхнем устраивают чистую купеческую квартиру. Иные же дома выстроены купцами для себя». Не лишены постройки изящества, а каменные украшения до сих пор вызывают удивление – сколько же потрудиться нужно было, чтобы вывести из кирпичей по углам такие вензеля. И высота немалая, и риск при постройке.

А сколько накопилось полусказочных историй и легенд за полтыщи лет! Друг по дружке мы – мальчишки – передавали историю о шкатулке с драгоценностями, найденной на месте старой конюшни под кучей лошадиного навоза во

Здание, принадлежавшее сёстрам Соколовым. Фото 1960-х годов

Дом купца Гнидочкина, владельца собственного судна. В середине прошлого века в этом здании располагался зоотехникум, в котором учился Герой Советского Союза Владимир Петрович Хазов, именем которого названа улица. Фото начала XX века

Здание на улице Большая Дорога (ныне ул. Ленина). Построено в 1852 году петербургскими купцами Башкировым, Блиновым, Бугровым, торговавшими хлебом. В настоящее время здесь располагается административный корпус Агротехнологического техникума

Вид на перекрёсток улиц Загумённая (ныне Советская) и Большая Дорога (ныне Хазова) с восточной стороны. Фото начала XX века

дворе дома купчих Соколовых. Якобы, снесли конюшни, убрали навоз, а когда начали копать яму под столб нового сарая, нашли эту шкатулку. Разговоров было на целую неделю! Сразу нашлись и свидетели раскопа, и те, кто ту шкатулку в руках держал да не успел ни одной монетки вытащить.

Мы потом копали везде, где можно было. Искали с друзьями клады и таинственный подземный ход между двумя старинными особняками купчих Соколовых. Нашли старый, насквозь изъеденный ржавой трухой наган, несколько медных монет и сгнившую кожаную сумку, с какими-то старинными векселями, облигациями и воспоминаниями – слепленными временем тетрадными листочками, исписанными истершимися чернилами.

Конечно, наслушались разных баек от людей. О таинственной Сорочьей Яме, где скрывались от людей то ли разбойники, то ли дезертиры, о застроенных кладбищах, порушенных церквях и заброшенных пустынях, о затопленной или разинцами, или пугачёвцами где-то на Суре расшиве с награбленным добром.

О некоторых старинных домах нам рассказывали с оглядкой: напоминают они о трагической судьбе своих первых владельцев. Таковым, например, является дом купца Зерина Александра Степановича (в котором в настоящее время располагается аптека № 16). Хозяин когда-то был владельцем кожевенного комбината. При Советской власти был раскулачен и расстрелян. Дома других владельцев были просто реквизированы.

С остатками имения графа Рибопьера я познакомился давно, ещё в школе – я учился тогда в восьмом классе. Знакомство произошло почти случайно, на

Промзино, на строительстве дороги на спуске к мосту речки Долгая. Фото начала XX века

рыбалке. С Серёжкой Кулагиным мы ходили за пескарями и окунями на реку, ловили карасей в лесных озёрах, а иногда я ездил с ним и его отцом довольно далеко – на дальние яры, с ночёвкой. У Кулагиных был старенький бортовой «Москвич», мы складывали весь инвентарь – удочки, лодки, палатку, котлы, провизию в кузов и ехали на ночь. Не знаю, что меня больше увлекло: сама рыбалка или такие вот походы и ночёвки у костра.

Однажды мы уехали с ночевой километров за пятнадцать от посёлка и стали на берегу, на одном из поворотов реки. Кряжистые низкорослые сосны прижимали друг друга к самой воде, вода бурлила вокруг торчащих из воды коряг, плоская галька усеивала песчаный берег – место было живописное.

Вечером клевало плохо – улова едва хватило на жидкую уху. Зато утро порадовало – повезло всем, в том числе и мне – я впервые поймал настоящую щуку. Не очень большую, килограмма на полтора, но настоящую – хвостатую, с длинной зубастой мордой и серой чешуёй. Щука, нарушив хрупкую утреннюю тишину, хлопнула хвостом по воде, а затем тускло блеснула в тумане, когда я тянул её на берег. Когда рыбина оказалась в моих руках, я испытал прилив какой-то дикой радости. Сидел на песке и глупо глазел по сторонам.

Туман был в то утро особенно густой. Он медленно опускался, пропитывая водой каждую травинку, и я почему-то только в этот момент обратил внимание на противоположный берег. Сначала обозначился заливной луг и далёкая лесная опушка, а потом неожиданно я увидел фигурную крышу старинного каменного дома. Дом этот был едва виден – всё-таки до опушки было километра два, а то и три, – но я всё равно был удивлён – вчера я почему-то не заметил его. Он стоял

Часовня Александра Невского на перекрёстке улиц Купеческой (ныне ул. Хазова) и Большая Дорога (ныне ул. Ленина). Фото начала XX века

Вид на перекрёсток улиц Загумённая (ныне Советская) и Большая Дорога (ныне Хазова) с южной стороны. Фото начала XX века

на отшибе почти в лесу. Скоро поднялось солнце, туман исчез, и в дымке разгорающегося дня дом превратился в расплывчатое серое пятно, едва видимое на фоне леса. Мне захотелось во что бы то ни стало добраться туда и рассмотреть всё как следует. Этот дом в моём воображении тут же превратился в старинный замок. Я представил, как поеду на велосипеде по тропинкам к этому дому, оставляя позади километр за километром, представил, как лезу на чердак...

С того момента я едва боролся с нетерпением. Но прошло две недели, прежде чем моё путешествие состоялось – сначала дождь зарядил на целую неделю, потом я помогал родителям мотыжить огород. Но наконец выдалось два или три свободных дня, и я тотчас собрался. Родителей уверил, что еду на рыбалку,

Мельница и другие строения имения графа Рибопьера на правом берегу реки Суры.
Фото начала XX века

а чтобы не особо беспокоились, сказал, что хочется посидеть на берегу целый день. Мама покачала головой, но отпустила, взяв честное слово, что я не буду лезть в воду в незнакомом месте.

Проснулся перед рассветом. Быстро оделся и вышел во двор. Вывел из сарая велосипед и ещё раз внимательно его осмотрел. Подкрутил гайки, проверил руль и педали. На всякий случай открыл рюкзак и ещё раз проверил содержимое.

– Еда, куртка, спички, котелок, – бормотал я вслух, перекладывая с места на место уложенные с вечера вещи. – Так. Рабочие рукавицы, чтоб дрова ломать было удобнее, кепка – голову от комаров укрыть, свечка и фонарик. Всё в порядке.

Я приладил на багажник рюкзак, прислонил к забору велосипед, а сам потихоньку закрыл дверь. Было ещё темно. Звёзды блестели вовсю. Месяц освещал узкие полосы облаков, казалось, он плывёт в воде. Было тихо, лишь далеко, у самого леса заливались лягушки. Пахнуло остывшей за ночь землёй и спелыми яблоками. Я сел в седло и не спеша, почти на ощупь поехал к лесу, освещая себе путь тусклым светом карманного фонаря. Шорох шин гулко отдавался на пустых улицах.

Я выезжал один – Сергей приболел, и его не отпустили родители. А жаль, в этот день его компания мне бы пригодилась.

Вскоре я уже ехал через лес то по едва заметной, узенькой тропке, то выходя на сдавленную высокими деревьями, заросшую бересклетом и дикой смородиной дорогу. Скорость была невелика – то и дело тропу пересекали неглубокие ручьи. Приходилось слезать с велосипеда и взваливать его на плечо.

Иногда тропа взбиралась на песчаные, поросшие сосняком гривы, некоторое время я ехал по длинной песчаной макушке и тогда хоть немножко разгонялся. Мне было чуть-чуть страшновато, всё-таки в одиночку по незнакомому лесу я ехал впервые, но интерес и любопытство брали верх. Вообще, пугало и само расстояние – все-таки для четырнадцатилетнего мальчишки проехать на велосипеде сорок километров – немалое путешествие.

К Барышской Слободе подкатил часа через три. Разгорался день. Солнце поднялось над деревьями и над селом, река блестела рябью. Колёса загрохали по доскам настила моста, рыбаки, сидящие с удочками, забормотали недовольно, бросая мне вслед хмурые взгляды. Я и сам вздохнул свободнее, когда ступил на песчаную кручу противоположного берега.

Последние полкилометра шёл пешком. Катил велосипед в поводу – поляна перед домом сплошь заросла сорной травой и мелким, низкорослым кустарником – стоило большого труда пробиться через эту преграду.

Велосипед я прислонил к стене, а сам обошёл кругом дом. Четыре этажа, подвал, остатки пруда, липы. Вода в пруду показалась мне чёрной, словно чернила. Птиц слышно не было, лишь кукушиное кукование доносилось откуда-то издалека, едва слышно. Глухие, заросшие снизу репьями и лопухами стены молчаливо поднимались над взрослыми толстенными деревьями. Взгляд сам скользнул вверх – карнизы нависали угрюмо, словно сведённые старческие брови, и низко, едва не задевая крышу, бесшумно скользили облака.

Набравшись смелости, я влез в разбитый дверной пролом и по старой лестнице начал карабкаться вверх. Половицы и ступени кое-где были вырваны, на их месте зияли дыры, в которые были видны комнаты первого этажа. Один из лестничных пролётов я, рискуя сорваться вниз, преодолел по единственно оставшейся балке.

Комнаты четвёртого этажа показались низкими, потолок словно давил сверху. Голуби с криками шарахнулись прочь – видать, давно они считали эти развалины своим домом – не часто тревожили случайные прохожие их покой. Птицы подняли целую тучу мелкой, противной пыли, и прежде чем продолжать осмотр, я несколько раз чихнул, а потом долго сморкался и тёр кулаками слезящиеся глаза. Наконец пыль улеглась, и я осмотрелся кругом.

Здесь, наверху, окна были узкие, с неровными, искажающими обзор стёклами. Видимо, стёклам было столько же лет, сколько и самому дому. По полу были разбросаны колотое стекло, разбитая фурнитура и остатки старой мебели. И ещё вокруг всё было залито мазутом или солидолом.

Я выглянул в окно. Что-то далёкое увидеть не удалось – в одну сторону простирался лес, сплошь покрывая невысокие холмы и заливные луга, в другую

тянулись низина, тополиное редколесье и болота, примостившиеся вдоль Барыша и речки под названием Муралейка. Километрах в десяти над лесом возвышалась высокая кирпичная труба. Вид был довольно угрюмый даже светлым летним днём. Должно быть, жутко было сидеть хозяевам в этом доме по ночам сто лет назад, при свечах.

Я достал из кармана компас и «бросил» азимут на трубу, затем вычертил в записной книжке схему видимых из окна дорог. Соблюдая предельную осторожность, спустился вниз. Усталости не чувствовал – наверное, слишком много впечатлений свалилось на меня за это утро. Я ещё раз охватил взглядом дом, продрался через заросшую площадку и вышел на другую дорогу, которую приметил из окна дома. Она пересекла заливной луг, ныряла в смешанный лес и терялась посреди моховых болот и озёр. Долго я стоял в раздумье, наконец, решившись, повернул в сторону леса.

Как потом оказалось, в семи километрах от Барышской Слободы, на самом краю густого хвойного леса находились остатки Грязной – лесного посёлка и мебельной фабрики, трубу которой я и увидел из окна полуразрушенного дома. Сам Г. И. Рибопьер, принадлежавший к числу богатейших людей Российской империи, участник русско-турецкой войны, член Международного Олимпийского комитета, здесь никогда не бывал, за именем следил А. К. Гаген, управляющий. В начале XX века здесь был построен большой, ухоженный посёлок, находилась картонная фабрика, велась целенаправленная заготовка древесины, была проложена добротная дорога через болота и лес. Причём были построены навесные мосты и хорошая, крепкая гать. Интересный факт: впервые радиосвязь

Бумажная фабрика графа Г. И. Рибопьера. Фото начала XX века

в России была успешно использована в 1900-м году (в морской спасательной операции), а в 1906-м был радиофицирован пос. Грязная – управляющий внимательно следил за прогрессом.

Платили рабочим скудно, а подённые расценки и штрафы были велики, и не раз рабочие бастовали – жгли сушильные лабазы, амбары, дома. Здания возводили вновь, а для поддержания порядка на фабрике появился информатор Ф. Т. Рыбин, агент Департамента полиции.

Фабрика существовала долгое время после революции и не только как бумажная, но и как мебельная. Вот только заготавливали в основном ель (именно ель является лучшим сырьём для производства бумаги и картона), причём заготавливали не жалея, «по-хозяйски», и к настоящему времени от знаменитой, описанной ещё С. А. Бутурлиным кувайской тайги остались крохи, да и те на границе Сурского и Алатырского лесхозов. Ну, а в доме, который я по-мальчишески принял за замок, долгое время была мельница. Добротная, в четыре этажа мельница. А жилой дом не сохранился, лишь остатки фундамента ещё можно отыскать.

Но всё это я узнал много позже, когда всерьёз увлёкся краеведением. А в тот день до трубы не доехал – побоялся лезть через пойму Барыша в одиночку. Я пересёк дубовую и осиновую рощи, несколько полян и протоку, но в итоге остановился на краю довольно обширного болота. Я всё же проехал какую-то часть пути по влажной вязкой колее, но потом остановился и повернул назад.

Деревянный настил на заболоченных местах в засурье, близ имения графа Рибопьера.
Фото начала XX века

Мост через овраг в сосновом лесу. Фото начала XX века

Под большим приземистым дубом развёл костёр. Соорудил треногу и повесил над огнём котелок с водой. Постелил куски коры и сел, прислонившись спиной к дубу. Было тихо. Потрескивали сучья в костре, по старому, полусгнившему берёзовому стволу отчаянно стучал клювом дятел. Казалось, он хочет непременно свалить этот ствол на землю. Звук разносился по сторонам глухо, и от этого молчание окружающего меня леса казалась ещё более глубоким.

Я сварил чай, разложил на большой чистой тряпке захваченные из дома припасы и долго сидел, вспоминая первую половину дня. Ноги гудели от нагрузки, в теле чувствовалась истома, но солнце светило так весело, а сваренный на костре чай был таким душистым, что хотелось запеть во весь голос какую-нибудь весёлую песню.

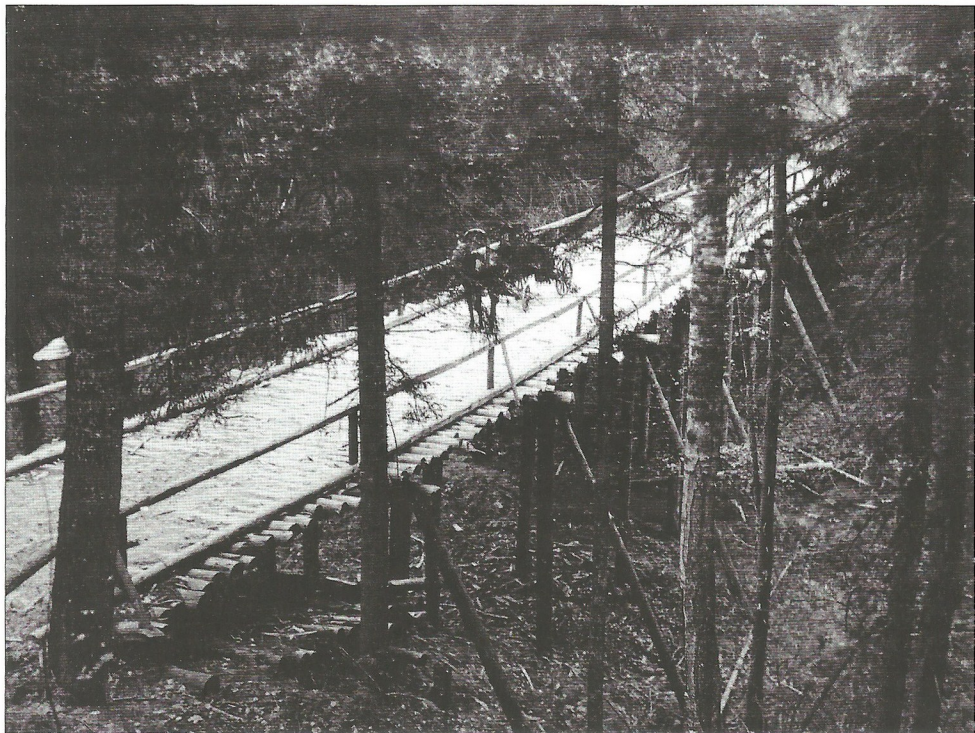
Наконец я встал, посмотрел на трудившегося дятла, дотронулся пальцем до огромного паука, сидящего посреди колец паутины, немножко прошёлся по тропинке, по которой вот-вот предстояло отправиться дальше, и подошёл к велосипеду. Погладил седло, ручки руля, затем собрал и укрепил на багажник вещи и наколот на веточки оставшийся хлеб...

День получался интересный, а для знакомства с природой и окрестностями, оказалось, не обязательно было брать с собой удочки. После того дня я уже не расставался с велосипедом. Я приобрёл хорошую карту и объехал весь район, в поисках интересных мест, а впоследствии, когда начал работать в школе, совершал подобные поездки со своими учениками...

В одну из таких поездок мы с учениками доехали и до Кезьмино. В первый раз случилось это довольно давно, лет семнадцать назад, а может быть,

Мост через овраг в сосновом бору. Фото начала XX века

Мост через овраг в засурье, близ имения графа Рибоьера. Фото начала XX века

Деревянный настил по заболоченным местам в Засурье. Фото начала XX века

даже и раньше. Руководствовались в той поездке туристической картой области выпуска 70-х годов прошлого века (других карт на тот момент просто не было). У карт того периода была одна очень хорошая особенность – были на них отмечены места, способные вызывать повышенный интерес у любознательного человека – ландшафты, распространение каких-то народных промыслов, архитектурные строения. Одним таким значком было помечено село Кезьмино, а рядом стояла приписка: «Памятник архитектуры середины XIX-го века». Один из маршрутов мы проложили через это село и были по-

Поселок Грязная. Имение графа Рибоьера

Лесопилка в сосновом бору

хорошему удивлены. Ожидали увидеть обычную старинную помещичью усадьбу, а увидели двухэтажный особняк-дворец в стиле средневекового замка. Думали, что владельцем и вдохновителем строительства был простой помещик, а оказалось, что владельцем был человек не совсем обычный, а чуть запутанная история его жизни связана с его московской службой и запрятанными сокровищами. Скорее всего, посчитать его обычным купцом-помещиком было просто кому-то выгодно.

Мы проложили в Кезьмино свой особый маршрут – каждый год обязательно сюда заезжали, встречались с людьми и краоведами-любителями, и наш архив пополнялся всё новыми сведениями, новыми воспоминаниями старожилов и найденными новыми «записками».

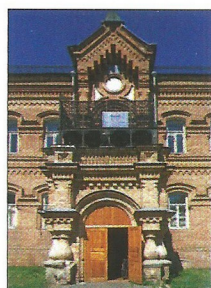
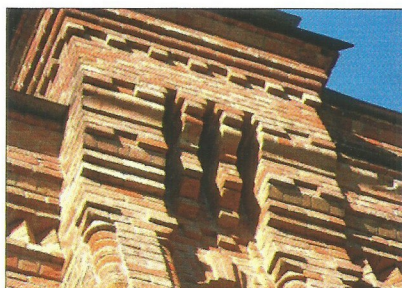
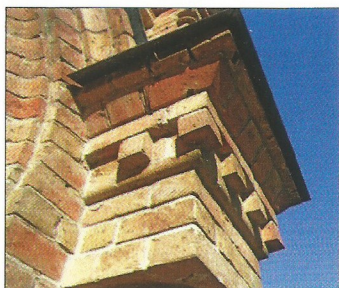
Василий Петрович Крылов, служивший при царском дворе, у Екатерины Михайловны Долгоруковой, супруги Александра II, был военным. Он был богат и образован, не раз выезжал по службе за рубеж, в том числе в Англию и Францию, и именно там имел возможность как следует ознакомиться с особенностями подобного строительства. К делу подошёл серьёзно – и глину особую применял, и песок, да и к мастерству строителей подходил строго. По воспоминаниям одного из местных жителей, «кирпич-то здесь из местной глины в ямах для обжига обожжённый. Ямы те и сейчас можно увидеть – около восточного края села. А вообще, секретное место здесь было, где песок огнеупорный. В поле овражки – вот там он. Очень мелкий. Как вот в часах песочных. Его тот владелец бывший дорого продавал. Но само это место в секрете держал. Но для раствора тот песок не годился – мелкий очень, на огнеупорный кирпич шёл. Тысячу двести градусов тот кирпич держит. А кладочный кирпич в печах три – четыре года держит, а потом всё, сыпется. Раствор очень крепкий, на яичном белке, с известью. Его по 10–12 лет в ямах гасили, без воздуха оставляли, вот он и крепчал. Сам замок-то пять лет строили. Вручную каменотёсы кирпичик к кирпичику тесали, не спеша. Отдельные люди раствор месили, кирпич подносили. Кирпича – его много было. Дно господского пруда было также выложено кирпичом, а не дубом, как утверждают».

А роспись какая внутри: и цветы, и музыкальные инструменты! Да так тонко эта работа выполнена, словно мастер какую-то специальную скульптурную массу использовал. А на самом деле – опять же местная глина на это дело шла. По словам Николая Феофановича Шахова, старейшего жителя села Ружеевщино «глину использовали для вензелей местную – из Соснова оврага. Как идёшь долом – на левой стороне. Чуть ниже того места, откуда родник бьёт. Не на поверхности – штольня была вглубь. Сейчас завалило вход. Я мальчишкой лазал. Брат меня верёвкой вытаскивал. Ползёшь, к полу прижимаешься – головы не поднять – из стен и потолка штыри торчат. Но дальше большая штольня, как пещера и песок чистый-чистый, наливной песок. Песчинка к песчинке. А серебряная глина – в руки возьмёшь – светится, а замесишь – как есть тесто! Говорят, её и на раствор брали, когда замок строили, с яичным белком мешали, с известью. Как оловом заливала».

Службу свою Василий Петрович нёс исправно, за что был пожалован именной

Кезьминский замок. Село Кезьмино. Современное фото

Элементы каменного декора Кезьминского замка. Современное фото

золотой саблей. Кстати, о сабле этой знали многие (в какой-то степени, именно она послужила причиной последующего разграбления склепа). Кроме самого замка, Крылов восстановил и достроил каменный храм Покрова. С северной стороны церкви к центральной её части он пристроил колокольню, богато отделанную каменной резьбой, а также трапезную.

Хоронить Крылова везли из Казани на верблюдах, и на горе перед Кезьмино специально по его последней воле выстлали холстом дорогу. В тот же год с южной стороны храма появилась часовня, под каменными плитами которой он и был похоронен. В семидесятые годы, во время второй волны борьбы с религией, храм был частично разрушен, а склеп разграблен. По воспоминаниям одного из старожилов «часовню не хотели люди ломать – по «наряду» заставляли – втрое за это платили. Я не ломал – сам не захотел. Зацепили тросом. Меня будто кто увёл – не видал, как повалили. А те, кто ломал, быстро умерли потом, друг за другом. Некоторые из тех, что кирпич растащили, потом сами ночью назад кирпич несли и на место положили. Склеп ещё тут был, Крылов в нём похоронен.

Каменный собор во имя Архистратига Божия Михаила. Построен на средства Гурьевых – графа Дмитрия Александровича и графини Прасковьи Николаевны и освящён в 1820-м году. В 50-х годах XX века вблизи храма был найден клад золотоордынских монет XIII века

Команда сурских школьников во время краеведческой велозаезды у здания храма. Июнь 2013 год

Здание, перестроенное
под «Свято-Никольский»
храм было построено церковью.
Жил там благочинный
батюшка Копьев,
служитель храма Казанской
Божьей Матери.
Современное фото

Только разрыли его. Был тут один председателем, нанял приезжих, им всё одно. Вот там, в склепе том, золото было, сабля. Он с ними расплатился, а золото себе забрал. Кстати, и жене Крылова памятник был. С могилы стащили и в речку бросили. Варвары же! Но достать его ещё можно...»

Вся цель поддержания борьбы с религией, как я понял, заключалась в поисках когда-то запрятанных денег. Эти поиски заставляли руководителей придавать некую официальность своим действиям (просто так разграбить склеп – кошунство, а под прикрытием борьбы с религией – сам «Бог» велел).

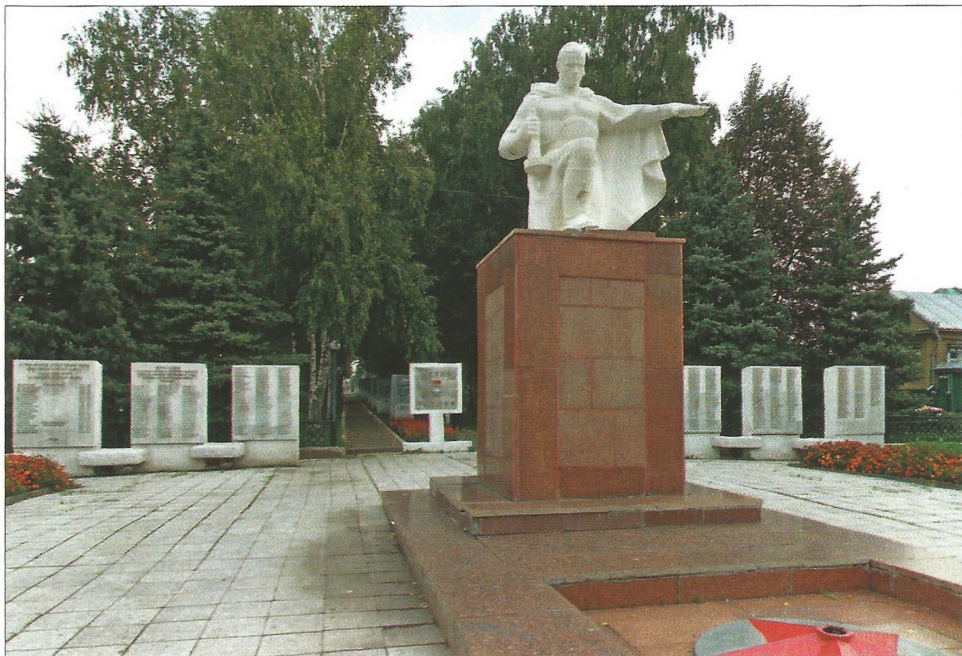
Храм – это произведение искусства, которое наряду с картинами художников, литературными произведениями, наряду с прекрасными природными ландшафтами способно помочь открыть в человеке человека. Красота обладает необъяснимой, но невероятно могучей положительной силой, способной встать на пути у зла, предохранить душу человека от гниения. И сам по себе храм у любого народа, в любой стране – это место почитаемое, место, где человек исповедуется, где душу свою открывает сам для себя, а, следовательно, оставляет её открытой и для других людей. И когда по душе проезжают трактором, это неправильно.

ЛЮДЕЙ НЕИНТЕРЕСНЫХ В МИРЕ НЕТ...

Сто раз был прав поэт – нет неинтересных людей на земле. В каждом человеке – Вселенная – рождение, развитие, жизнь, память.

О людях писать непросто. Очень уж много их – интересных и необычных, и выделить кого-то в отдельности совсем нелегко. Начал я эту главу, и словно за верёвочку потянулись друг за другом имена и дела людей. Да так потянулись, что я сам удивился, насколько много этих имён, и если о каждом писать – книжки точно не хватит.

В первый раз я по-настоящему почувствовал гордость за своего земляка на практике во время учёбы в институте. Я учился на естественно-географическом факультете пединститута, а учёба предусматривала обязательную дальнюю практику. Наша группа географов – студентов четвёртого курса участвовала в экспедиции по Поволжью, маршрутом от Ульяновска до Каспийского моря. В Саратове, Волгограде, Астрахани и некоторых других местах мы выходили из поезда и совершали различного рода экскурсии: знакомились с интересными

Аллея Героев. Рабочий посёлок Сурское

Ф. А. Жигарин (третий справа) на встрече с однополчанами.
Середина 70-х годов прошлого века

– Нельзя. Вам придётся выпустить рыбу и смотать удочки. Так нужно.

Сергей, не говоря ни слова, перевернул бидон и выпустил рыбу в озеро. Затем начал сматывать лесу. Я последовал его примеру.

– Давно бы так, – чуть усмехнувшись, сказал второй. – А то упираться начнут.

Спустя пять минут мы все вместе шли по тропе, оставив озеро позади. Обида жгла, хотелось наглубить идущим с нами людям.

– Понимаешь, дело задумали хорошее, – неожиданно произнёс «учитель», словно продолжая прерванный разговор. – Заказник здесь организован, – он посмотрел на меня и, вероятно, чтобы я быстрее понял, добавил: заповедник, как под Воронежем. А вы помогать должны. Не сердись.

Мы вышли на небольшую полянку. Там стоял «УАЗик», с забрызганными грязью дверцами.

– Давайте, ребята, будьте здоровы, – опять произнёс наш «лектор», садясь за руль. Мы кивнули ему, вскочили на велосипеды и, не ответив ничего, припустили по тропе в сторону асфальтовой дороги.

Солнце взошло. Оно поднялось над верхушками деревьев, освещая кольца паутины на ветках, выбивая пар из больших луж, перекрывающих время от времени нашу дорогу.

– Что ты так быстро согласился с этим мужиком? – спросил я крутившего педали Сергея, не в силах справиться с захлестнувшим меня раздражением. – Ты ведь обычно любому рот заткнёшь. Начнёшь выступать – не остановишь!

– Ты знаешь, кто это был? – Сергей остановился, прыгнул на землю, обернулся и пронзительно посмотрел мне в глаза. – Знаешь?

– Ну и кто? – Я тоже остановился и слез с велосипеда.

– Жигарин это. Тот, который герой. Он сейчас охотоведом работает.

- Герой, герой, а рыбу-то зачем в озеро?
- Дурак ты, не в рыбе дело, – Сергей не спешил садиться в седло. – Представляешь, он воевал. Лётчик. Смерть, кровь, а мы будем права качать?
- А глаза у него добрые.
- У него и сердце, видать, доброе. Он за природу. Заказник, видишь, хотя...

Мы пошли пешком. Ещё некоторое время разговаривали о чём-то, но я уже не слышал Сергея. Я старался представить себе рёв иссечённого пулями самолёта и человека, который бесстрашно идёт лоб в лоб на истребитель врага. Тут же вспомнился известный эпизод о том, как Жигарин однажды спас своего друга. У того подожгли самолёт, и, хотя он успел выброситься с парашютом из горящей машины, счастья это не прибавило – бой произошёл за линией фронта, над территорией, занятой немцами. Жигарин на глазах гитлеровцев посадил самолёт на лесную поляну, подобрал своего друга и поднял самолёт в воздух, когда немцы уже подбегали к ним. Мне всегда казалось, что смелым может быть человек суровый, с гранитными чертами лица и металлическим голосом. А героем оказался обыкновенный человек. Слишком обыкновенный.

Я видел Жигарина ещё раз мельком во время празднования Дня Победы, а потом я окончил школу и уехал из посёлка в Оренбургскую область – продолжать учёбу. Сразу после получения диплома меня призвали в армию, а вернувшись домой, я узнал, что Жигарин умер.

Это была моя единственная встреча с Федором Александровичем Жигариным, Героем Советского Союза.

В Сурском районе несколько памятников природы, которые считаются интересными и охраняемыми. И их не много не мало – восемь. И именно здесь, практически в одном месте, соприкасаются три природных зоны, когда обычно они разделены сотнями километров! Вот уж чудо так чудо! Все эти памятники стоят того, чтобы их увидеть, но один из них всё же не только в районном масштабе хорош, но для всего Ульяновского края интересен! В областном краеведческом музее об этом уникальном уголке целый зал рассказывает, да и есть отчего. Везде степь да лесостепь, а здесь – дремучая тайга...

Памятник природы Болото Моховое

Весь конец мая и начало июня шли дожди. Трава вымахала на зависть: густо покрыла склоны всех холмов и лесных полян, вытягиваясь разноцветными макушками почти до пояса. Мы с отцом косили в пойме на заливных лугах – гнали прокосы до самой опушки дубовой рощи. После взмаха мягкие сочные стебли вздрагивали, словно стряхивая с себя холодные капли росы, но не падали сразу –

Лесное озеро. Начало XX века

стояли, и лишь со следующим взмахом послушно ложились в валок. Трижды за утро моя рубашка и длинное махровое полотенце, которым я укрывал голову и шею от комаров, насквозь пропитывались потом, но на отдых останавливаться не хотелось. Не хотелось прогонять чувство лёгкости, возникающее в тот момент, когда усилие приходится на разогретые работой мышцы, когда всё получается, словно само собой и нужно лишь удерживать эту слаженность движений. Мы так и работали: не останавливаясь, размеренно, несуетливо, в паре друг с другом, с плавно лежащимся туманом и нехотя встающим над лесом солнцем. Лишь в конце прокоса я неизменно подходил к дубам, гладил рукой кору могучих стволов, подносил к лицу веточки с мягкими листьями, вдыхая их терпкий, ещё весенний запах, и накоротке бросал взгляд на птиц, всю радующихся солнечным брызгам и наступившему лету.

К началу июля листья на дубах окрепли, налились тёмной зеленью, земля прогрелась насквозь и оттого парила теплом даже ранним утром, и теперь лишь ветер освежал, скользя по лбу и губам, когда, приладив к рамам велосипедов разобранные косы, мы катили по лесной дороге в пойму. В один из этих дней мне вдруг так нестерпимо захотелось прокатиться через леса и поля куда-нибудь далеко, так захотелось посидеть у костра после долгого дневного перехода, смакуя затяжной летний вечер, что тем же днём я собрал рюкзак, перебрал велосипед и сел за географические карты с разработкой маршрута. Пожалуй, я бы где-то посомневался, но тому романтичному настрою поспособствовала история, которую отец рассказал во время утренней поездки.

Когда-то в юности он перегонял рыбацью лодку по озёрам и протокам к кордону лесника. Перегонял несколько дней от Болтаевки почти к самому Куваю. Кормился по дороге охотой и рыбалкой, ночевал у костра. Дело было

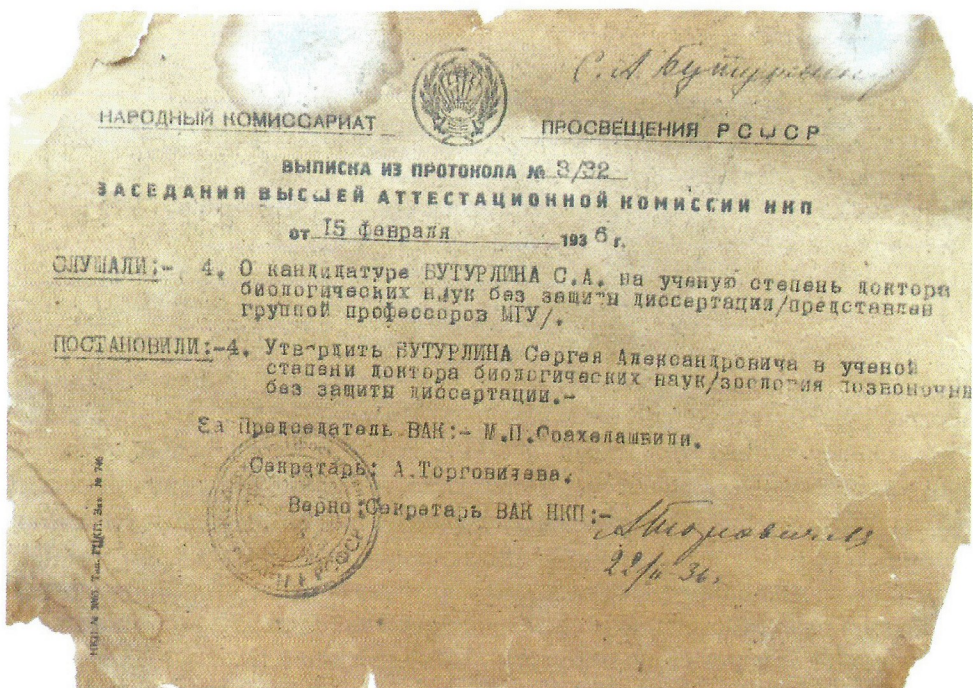
после половодья, воды в озёрах было много. В одном месте чуть не утонул – кувыркнулся за веслом, ружьё утопил, сам еле выплыл. Так через весь лес и прошёл, а в конце пути пришлось ещё вверх по Барышу и Кувайке грести, чтоб к кордону подобраться.

– Долго я тогда грёб, – вспоминал он. – Намучился. Течение быстрое, глубина неровная – то омут, то мель, дно илистое – из лодки не выпрыгнешь, не встанешь. По берегам – тайга – ели, сосны корявые, вороны каркают, тишина глухая.

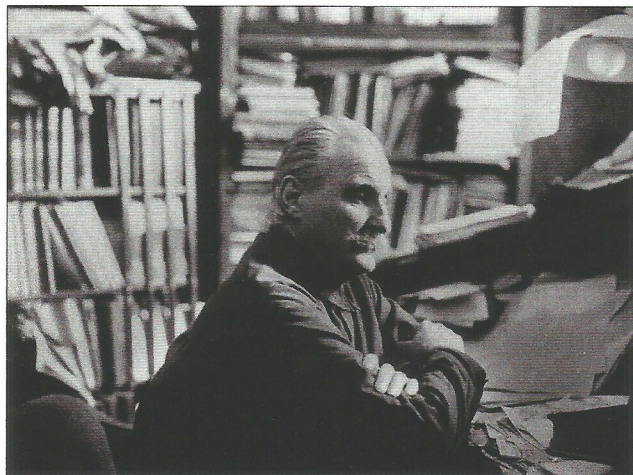
Лодку отец оставил у лесника, а сам домой пешком возвращался по едва заметной дороге, по остаткам старой гати через болота – с этим возвращением тоже немало приключений пережил.

И вот запала мне как-то эта тайга в душу, взбредила детские, ещё школьные обрывочные сведения и планы. А ведь было с чего! Огромный стенд в областном краеведческом музее посвящён кувайской тайге – настоящему таёжному лесу с медведями и елями. Вклинивается он с севера, заходит широкой полосой со стороны Чувашии, но за речкой Чёрная Бездна слабеет, отдаёт власть в руки соснякам и смешанным лесам, а уж южнее реки Барыш ель и вовсе не встречается. Как же такой уникальный лесной кусок стороной обойти, не изучить как следует?

Вообще, мы – люди, считаем, что удивительные красоты и уникальные места могут быть и существовать только где-то очень далеко, в дальних странах «за синими морями». Но иного мнения был известный зоолог наш земляк

Выписка из приказа аттестационной комиссии о присвоении С.А. Бутурлину степени доктора биологических наук

С. А. Бутурлин

С.А.Бутурлин. Тот самый Бутурлин, который вступил в полемику с выдающимся русским орнитологом М. А. Мензбиром, в результате чего появился на свет полный определитель птиц России (под авторством нашего земляка), а русская орнитология совершила колоссальный шаг вперёд. Тот самый Бутурлин, доктор биологических наук, в обязательном порядке подкреплявший практикой любое своё исследование, любую догадку, совершивший для этой цели пять хорошо организованных исследовательских экспедиций в разные точки России. Когда-то имение его ссыльного отца находилось в Лаве, и всё детство и юность Сергей Александрович бродил по Присурью, что называется, «с ружьём и блокнотом». В своих записках (они печатались в альманахе «Охотничьи просторы» в виде дневников) он рассказывал о «кувайской тайге» как об уникальных для всего нашего края местах. О местах, которые «нуждаются в обязательном сохранении для потомков как имеющие не только эстетическое, но и научное значение». Это он первым из учёных описал сурские леса как «перевалочную базу», как место откорма перелетающих на юг журавлей.

Более того, в 1919–1921 годах С. А. Бутурлин, уже учёный с мировым именем, вместе с профессором Б. М. Житковым руководил созданной Наркомпросом СССР Сурской экспедицией, которая занималась сбором орнитологической коллекции для организованного в городе Алатыре Института Природоведения. К слову сказать, был С. А. Бутурлин учёным, что называется, «до мозга костей», справедливо считая, что каждый должен заниматься своим делом. «Революция – революцией, – говорил он, – а наука остаётся наукой. Наука политических формаций не признаёт, а у меня другого времени для жизни и исследований не будет».

Одним словом, примеры те вдохновили меня и заставили отправиться в путь. Походил я с рюкзаком через весь лесной край, через всё Засурье. Но хоть и у костра сидеть пришлось не раз, и лесными дорогами плутать, и с Сергеем – младшим братом на плоту по Барышу сплавляться – от деревеньки Малый Барышок до Барышской Слободы, всё равно те таинственные, описанные и

отцом и Бутурлиным края за синеющей на горизонте кромкой оставались в мечтах. И вернулся я туда спустя несколько лет, будучи учителем географии, уже с учениками.

Велосипед сокращает расстояния и в то же время не нарушает треском мотора лесной тишины, не будоражит размеренную жизнь лесных обитателей. С учениками мы не раз прокладывали маршруты по удалённым местам района, в том числе и по лесным кварталам и заповедным местам.

Особенно запомнился один поход: мы заехали с севера, пройдя предварительно через Алатырь и через леса южной Чувашии. По асфальтированной дороге шли без особых приключений. Купались в озёрах и прудах, глядели по сторонам, любуясь лесами, на которые полотно дороги, казалось, бережно положили, не взяв у леса ни кусочка лишнего. Настоящие же приключения начались от небольшой чувашской деревеньки Сойгино.

В Кувайской тайге

Отсюда мы планировали выйти к Богдановке – одной из нежилых деревенек нашего района, расположенной близ села Большой Кувай. Расстояние между Сойгино и Куваем невелико – всего-то километров тридцать – сорок. Несмотря на то, что о предстоящем пути, о лесных дорогах мы очень подробно расспросили у местных жителей, без приключений не обошлось. Впрочем, так всегда бывает в незнакомой да ещё и лесистой местности – даже местные жители перемещаются по лесным дорогам скорее по интуиции. Сбились с пути мы почти сразу, километра через полтора – два и дальше двигались, как и местные жители,

В Кувайской тайге

в основном, по какому-то наитию, как говорится в таких случаях, «держали направление».

Карта-двухкилометровка – не очень хороший помощник для путешествий местного масштаба. Отмеченные на такой карте ориентиры – условные, дороги тоже. Вот и двигались мы где по солнцу, где по компасу, где по схемам из бутурлинских дневников. Закончилась прихваченная из Сойгино вода,

В Кувайской тайге

солнце, словно утомившись, нырнуло за кроны деревьев, а мы всё тащились по едва заметным лесным тропам.

Заночевали на пригорке у лесного ручья, на самой опушке густого, могучего елового бора. Всё было так, как описывали когда-то Бутурлин и отец, – лохматые, увешанные шишками ели, густая, яркая, свежая зелень черничника, поляна, усыпанная отборными груздями, и сплошные заросли можжевельника – этого типичного представителя таёжных лесов! Ночью где-то рядом ухал филин, а на рассвете какой-то большой и тяжёлый зверь разбудил нас громким

треском валежника – наверное, мы поставили свои палатки на его тропе, и он обходил нас стороной.

На рассвете мы покинули бор, но взрослый, старинный лес сопровождал нас всё утро, пока мы брели вдоль берега крохотной речушки. На песчаном её берегу стояли огромные седые, увешанные серым мхом ели и берёзы в полтора обхвата толщиной. Мох сбивался в одну кучу и свешивал-

Торф. Есть такое полезное ископаемое в Сурском районе

Чёрная речка

ся бородами; ветер, гуляющий где-то высоко наверху, в кронах покачивал эти гигантские стволы, они отвечали ему недовольным шелестом листьев и натужным скрипом. Дневник не обманул, мы действительно попали в удивительный, чудом сохранившийся до настоящего времени край.

Неожиданно нам попалась едва заметная заросшая просека, и мы свернули на неё в надежде хотя бы чуть-чуть сократить путь. Проезжали здесь, видимо, давно, вначале можно было нащупать ногами остатки колеи, но вскоре след этот пропал, сама просека становилась всё уже и уже и наконец исчезла без следа,

Таёжный гость можжевельник обыкновенный

В Кувайской тайге

а мы оказались стоящими со своими велосипедами и всем скарбом посреди густого дикого леса где-то на границе Сурского и Алатырского районов. Я опять достал из сумки компас и пошёл впереди, то и дело сверяя направление, а мальчишки молча и утрюмо тащили велосипеды вслед за мной – только их сопение слышал я за своей спиной. Трава, запутываясь в колёсах, тормозила движение, раз за разом приходилось то перетаскивать велосипеды через упавшие стволы погибших деревьев, то обходить их, продираясь через кустарник. Продвигались вперёд очень медленно – даже велосипедный счётчик отключился и замер – он не мог фиксировать такую медленную скорость.

В одном месте нам перекрыло путь болото. Я оставил своих спутников под огромной елью, а сам пошёл на разведку. Сначала попробовал нащупать ногами хоть какую-то тропинку, но куда там – нога проваливалась почти по колено. Выломал шест и попытался пройти в обход. Тщетно – болото расплзлось далеко в стороны. К тому же ожили комары – мы словно ворвались в комариное царство и подняли их, спящих. Теперь они кружили над нами целым роем, голодным и звенящим от злости – нас спасали только плотные костюмы и натянутые до самых глаз кепки и шапки. Утренняя прохлада ушла. Солнце поднялось над лесом и «пробивало» жаром даже сквозь кроны деревьев – под пологом было душно, эта духота выжимала пот и затрудняла дыхание. В один какой-то момент мне показалось, что лес не кончится, и нам придётся встречать и вторую ночь здесь, посреди старых деревьев. Я отбросил в сторону эту навязчивую мысль и вновь начал искать проход через болото. Моя настойчивость была вознаграждена, и через десять минут мы, вырезав длинные жерди и повесив на них велосипеды,

Переправа через Черную речку

В еловом лесу

как кабаньи туши, пошли друг за другом по грязной, чавкающей тропе. В одном месте даже наткнулись на череп кабана, который вначале приняли за череп медведя, но именно он окончательно убедил нас в том, что «медвежьи уголки» ещё остались в наших краях. Мы вышли-таки к Богдановке, к которой так стремились, и радовались тому, но всю оставшуюся дорогу домой вспоминали этот удивительный лес и удивительный поход...

Когда-то я всюю искал нетронутые человеком места – лесные массивы, выделы. С этой целью уезжал на работу то в Пермскую область, то на Байкал, а однажды почти сезон отработал в Хабаровском крае, в отрогах Буреинского хребта. На лесную базу в Хабаровском крае нас забрасывали вертолётom, за полтора-два километра от ближайшей станции, и потом вдвоём с другом мы выбирались к станции через тайгу своим ходом. Я считал, что заповедные места могут быть только там – вдали от дома. Вообще, так оно и есть – дикая природа не любит соседства с человеком. Но так бы хотелось, чтобы оставшиеся крохи природы сохранились недалеко от дома, чтобы было, куда сводить детей и через десять лет, и через пятьдесят. Чтоб не остались в нашем крае вместо лесов лишь легенды и предания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

...В моей жизни было несколько мгновений, которые я считаю главными. Одно из них случилось в самом конце моего первого заокеанского путешествия. Я тогда пересёк североамериканский континент и вышел к Тихому океану у Форта Росс. Дождь шёл всю ночь, и утром прибрежные горы, казавшиеся накануне довольно приветливыми, превратились в угрюмые, холодные стены из серых скал, на вершинах которых повисли рваные облака. Капли падали редко, как секунды.

Я ходил от постройки к постройке и гладил руками землю, по которой когда-то ступали русские землепроходцы. Именно они назвали одну из вершин Калифорнии Счастьем – почему-то русские всегда ищут счастье где-то далеко от дома. Я уже было сел в седло, и отправился дальше, к Сан-Франциско, как вдруг случайно увидел старинное кладбище, с православными крестами. Я бро-

сил велосипед, перелез через изгородь и долго бродил по узким еле заметным тропкам мимо заросших могил и покосившихся крестов. Неожиданно, как-то в один миг я понял, кто я есть на этой Земле, ощутив себя до самых дальних уголков сознания русским. Захотелось стать на колени и обнять и эти кресты, и кусок серого неба и океан, который где-то там, далеко на западе накатывает волнами на берег России.

Мгновенно в сознании моём всё стало на свои места: Никольская гора, стоящая у моего посёлка, что стоит близ моего посёлка, глаза детей, руки матери, мамины руки и дело, которому я посвятил свою жизнь. Не знаю, смог бы я ещё где-нибудь почувствовать такую же силу притяжения, какую чувствую ощущаю здесь, на этом крошечном клочке Земли, примостившемся от Никольской горы до Барского луга. Силу, которая тянет сердце и душу к этому месту. Где бы ни приходилось бывать, нигде не было спокойствия, нигде не мог вдохнуть я полной грудью и сказать, глядя на проплывающие в вышине облака: «Родные вы мои...».

СОДЕРЖАНИЕ

Дом у Никольской горы	3
От автора	5
Воды Леты	8
Никольская гора	19
Сура	26
Дома. Листая старые фотографии	37
Людей неинтересных в мире нет	62
Медвежий угол	81
Заключение	91

Владимир Николаевич Кочетков

**ДОМ
У НИКОЛЬСКОЙ ГОРЫ**

Сура у р. п. Сурское

Автор выражает благодарность
Сурскому районному краеведческому музею – директор И. В. Кузнецова,
Сурской детско-юношеской спортивной школе – директор А. П. Сидоров
за право использовать исторические фотографии;

Л. Н. Нецветаеву
за право использования репродукций его произведений.

В книге использованы фотографии
из личных архивов А. Завалева, В. Каткова, К. Жигариной, А. Гордеева,
В. Кочеткова и его учеников В. Кузнецова, А. Луткова, Ю. Ижидова.

Издательство
«Корпорация технологий продвижения».
432012, Россия, г. Ульяновск, ул. Державина, д. 9а, оф. 1.
Тел./факс: (8422) 38-79-08. E-mail: ktpbook@mail.ru.

Ответственная за выпуск Винник О. К.
Редактор-корректор: Егоров К. В.
Художественный редактор Василькин Н. А.
Компьютерное обеспечение издания Долговой Т. Е.

Отпечатано с электронного файла издательства
в ОАО «Областная типография «Печатный двор».
432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27.
Тираж 500 экз. Заказ № 1904.

**Владимир Николаевич
КОЧЕТКОВ**

Родился в р.п. Сурское, Ульяновской области. Учился в Бузулукском лесном техникуме на отделении «Лесное хозяйство». По окончании службы в армии работал в Сурском лесхозе, Дальневосточном лесоустроительном предприятии, ДСО «Урожай», РК ВЛКСМ, РОСТО ДОСААФ, педагогом дополнительного образования детского экологического центра. В 1991 г. окончил Ульяновский педагогический институт им. И. Н. Ульянова, естественно-географический факультет, по специальности «География».

Автор культурологического образовательного проекта «МИР», включающего организацию велопоходов и вело-путешествий одиночных и групповых (со школьниками и студентами). Совершил путешествия на велосипеде по Азии, Европе, Северной Америке, Австралии, Южной Америке, Африке общей протяжённостью 75 тыс. км. С учениками – участниками проекта «МИР» проехал более 30 тыс. км по России, Европе и США. По материалам путешествий создано пять документальных фильмов: «Экстрим по-сурски», Ульяновск, 2003 г.; «Если хочешь быть здоров, постарайся», Москва, 2010 г.; «Сурский Колумб», Самара, 2008 г.; «Учитель географии», Ульяновск, 2011 г.; «Уроки Владимира Кочеткова», Москва, 2011 г.

Член Союза писателей и Союза журналистов России, член Русского Географического общества. Публикуется в журналах «Физкультура и спорт», «Дети РА», «Юный натуралист», «Мономах», «Карамзинский сад». Автор 70 методических статей и книг «На край Земли», «Когда оживают легенды», «Урок географии». Книга «На край Земли» стала победителем на Всероссийском конкурсе на лучшие книги о горных, экстремальных и приключенческих видах спорта в номинации «Художественно-публицистическая литература». Книга «Когда оживают легенды» – победитель ежегодной областной выставки-конкурса «Симбирская книга – 2009» в номинации «Лучшая книга, способствующая воспитанию подрастающего поколения». Книга «Урок географии» стала победителем в международном конкурсе «Вертикаль-2010» в номинации «Художественная литература для детей и юношества».

E-mail: iron_deer@mail.ru

